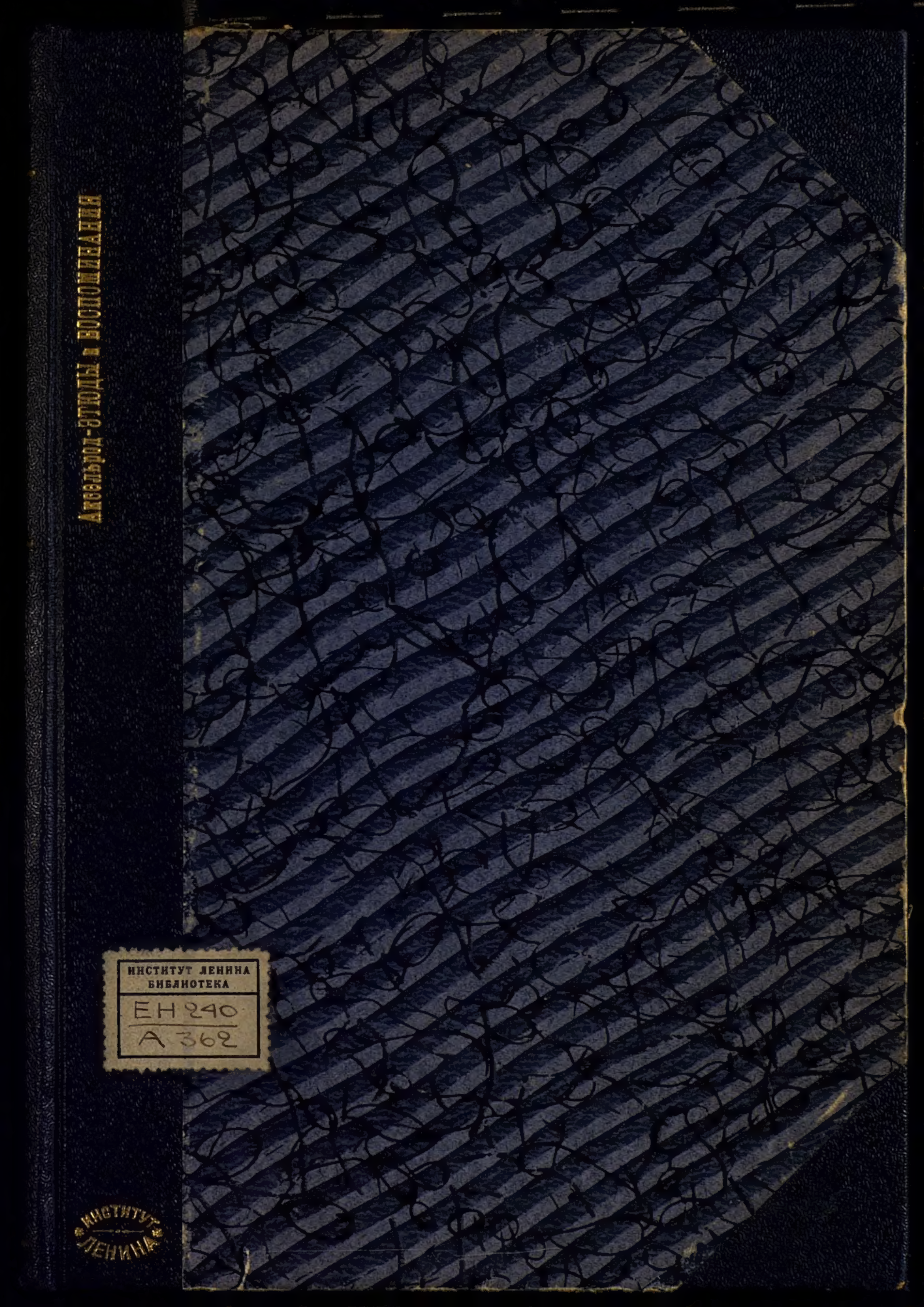
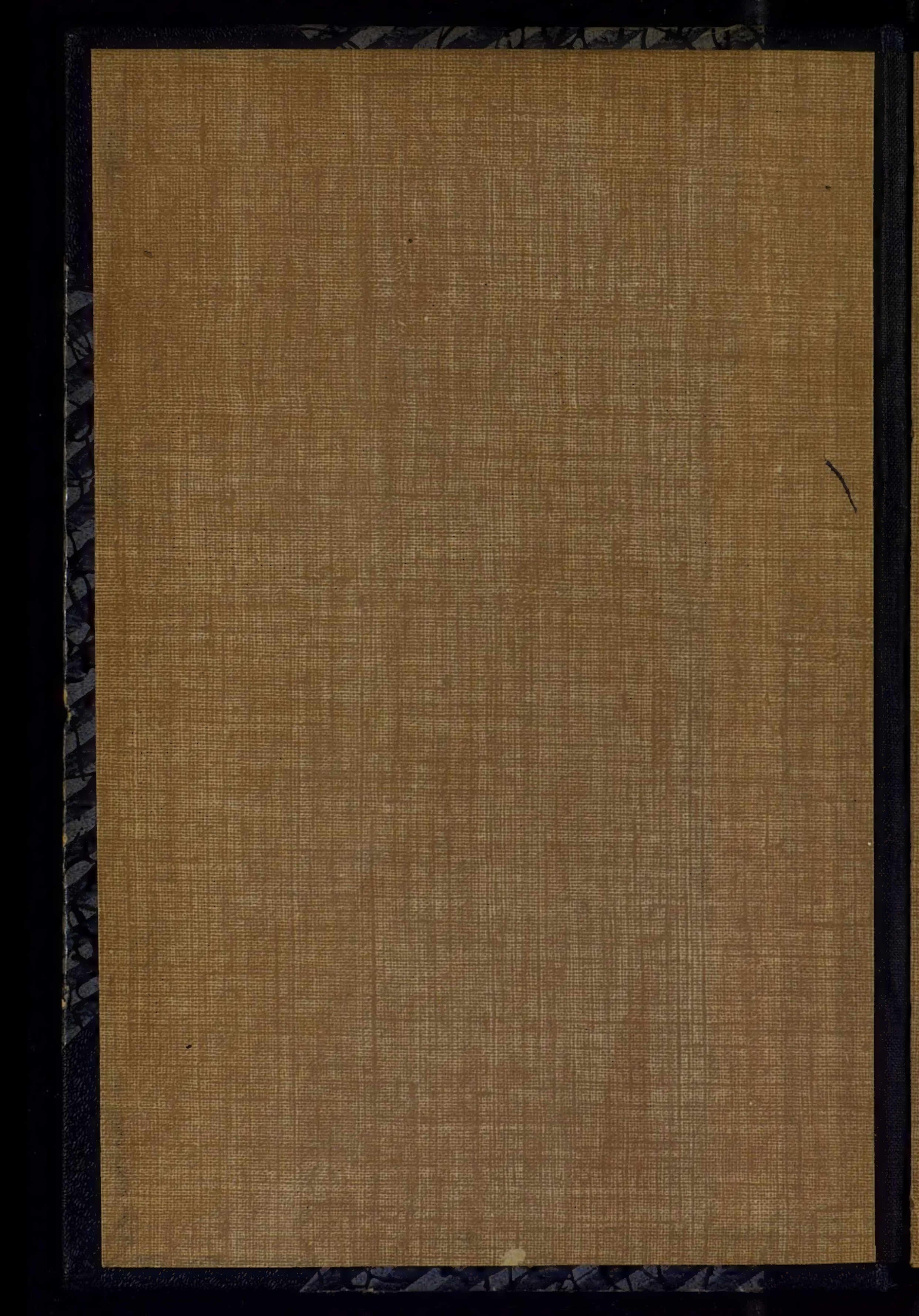
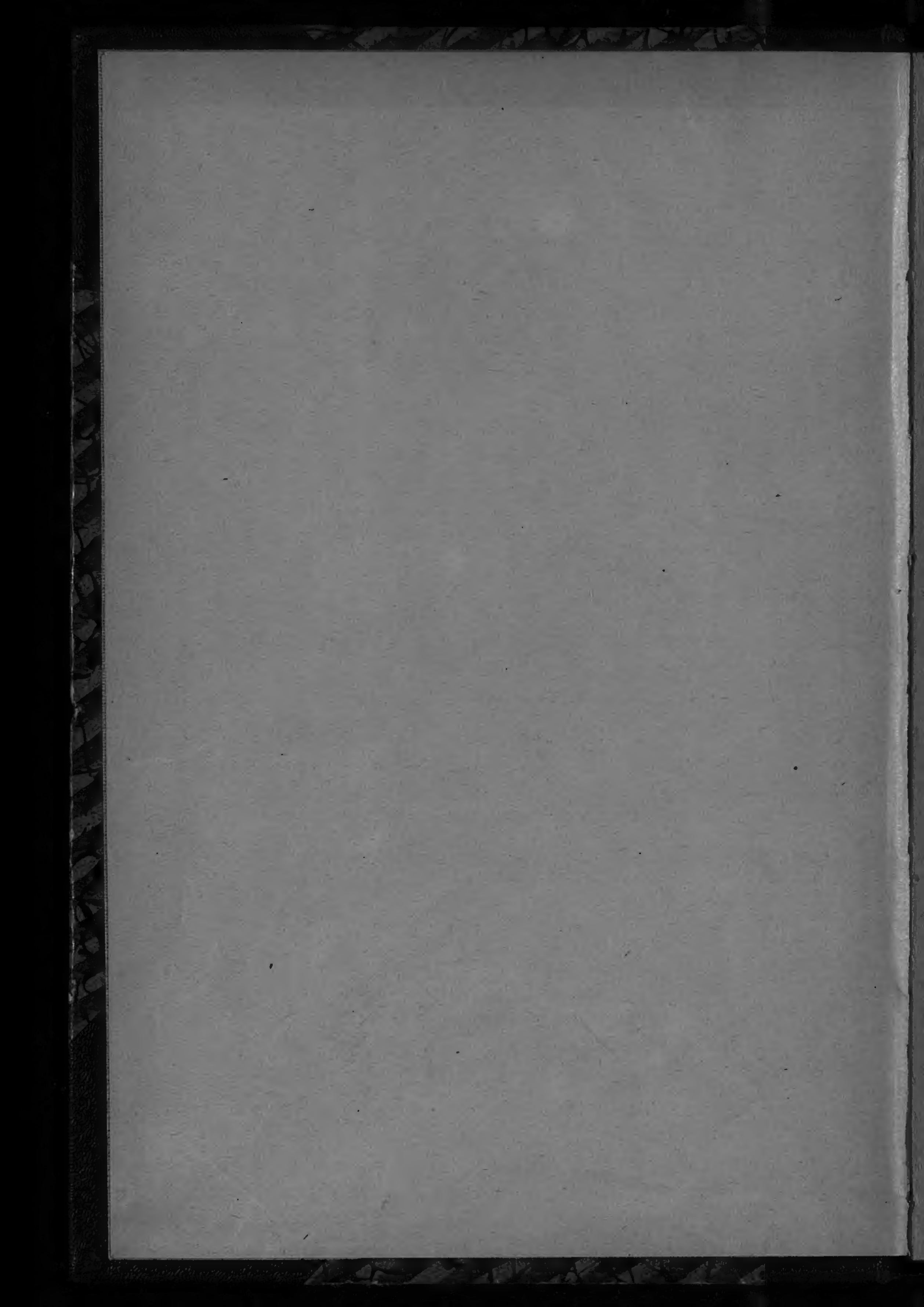

Аксельрод-Этюды и воспоминания
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 240
А 362
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

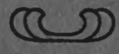

ЕН240
А 362

Л. И. АКСЕЛЬРОД
(ОРТОДОКС)

ЭТЮДЫ
И
ВОСПОМИНАНИЯ

1 р. 3 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА
Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград

Гиз. № 10165. Ленинградский Гублит № 10282. $3^3/_4$ л. Отп. 7000 экз.

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

(К 40-му юбилею.)

I.

В замечательном «Философическом письме» Чаадаев писал: «По нашему местному положению между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы соединить в себе два великие начала разумения: воображение и рассудок; должны бы возмещать в нашем гражданственном образовании историю всего мира. Но не таково предназначение, павшее на нашу долю. Опыт веков для нас не существует. Взглянув на наше положение, можно подумать, что общий закон человечества не для нас. Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разумения и исказили все, что сообщало нам это совершенствование. Во все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве, ни одной великой истины не возникло из среды нас. Мы ничего не выдумали сами и из всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь». Так печально и так безнадежно звучит суровый приговор, произнесенный над русской исторической действительностью одним из крупнейших умов русской земли.

Честное и смелое мышление, вооруженное результатами европейской науки и просвещения Запада, показало Чаадаеву ясно и отчетливо, что русская история бедна внутренним содержанием, что в ходе ее развития не было великих драматических потрясений, которые переживались западно-европейскими государствами по пути своего величественного шествия вперед, осуществлявшими, говоря словами Гегеля, прогресс в сознании свободы.

Вдохновленный системой Шеллинга, Чаадаев старается объяснить причину русской отсталости при помощи мистических элементов философии немецкого мыслителя. Россия представляет собою «пробел в порядке разумения» благодаря ее религиозной обособленности. Универсальный католицизм, служивший, с точки зрения Чаадаева, объединяющим началом средневекового мира и главным двигателем духовной культуры — вот чего не хватало и не хватает России для внутреннего ее развития и приобщения к западно-европейской цивилизации.

Проповедуя религиозную идею как спасительное начало, Чаадаев, будучи поклонником Эпикура, вряд ли мог найти полное эмоциональное и интеллектуальное удовлетворение в этой проповеди. Но как бы ни обстояло дело с состоятельностью найденного принципа философии истории, проблема в ее общем отвлеченном виде была теоретически поставлена впервые. «Философическое письмо», которое, по остроумному замечанию Г. В. Плеханова, «сделало для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженями своих сочинений иной трудолюбивый исследователь России «по данным земской статистики», указывало с полной отчетливостью общее направление, по которому должна следовать русская общественная мысль. Масштабом и критерием культуры и гражданственности были признаны культура и гражданственность передовых стран Западной Европы. Прогресс этих стран совершается по общему закону, уклонение от которого не является преимуществом, плюсом, а, напротив, составляет «пробел в порядке разумения». Пресловутая самобытность, это азиатское наследие, на котором славянофилы, также опираясь на Шеллинга и даже на Гегеля, сооружали свою вселенскую утопию, подверглась решительному и беспощадному осуждению.

Однако, концепция Чаадаева, совершенно справедливая в смысле общего, отвлеченного определения русской проблемы и являющаяся именно благодаря этому общему определению исходным началом сознательной общественной русской мысли, конкретно не давала и не могла дать никаких практических указаний вследствие своего идеалистического, точнее религиозно-мистического содержания.

Конкретно, практически задача приобщения русской действительности к западно-европейской культуре была поставлена декабристами. Декабристы, исходя из политических основ, сознательно стремились к тому, чтобы приблизить русский общественно-политический порядок к западно-европейскому провозглашением гражданской свободы и необходимых соответствующих государственных учреждений. Отмена крепостного права

являлась одной из сторон задуманного ими переворота. В своих политических стремлениях и сокровенных надеждах поднять свое отечество на высоту западно-европейской культуры некоторые из них не отступали перед мыслью установить в России республиканский порядок.

Но смелая, героическая попытка декабристов, положившая историческое начало русскому освободительному движению, не оставила после себя никакой организации, подобно тому, как не основал школы Чаадаев.

Такие световые явления на общем темном фоне крепостной русской действительности сильно напоминают собою картину известного швейцарского художника Годлера, на которой среди огромной груды спящих человеческих тел стоит один проснувшийся. Все окружающее спит глубоким, непробудным, мертвым сном, нет ни признака сознания, а тот, который проснулся, оглядывается с жуткой нерешительностью, явно спрашивая себя: а не лучше ли и самому уснуть!? Фактическим подтверждением основательности этого сравнения могут служить следующие строки из дневника Герцена: «Сегодня я читал какую-то статью о «Мертвых душах» в «Отеч. Записк.», там приложены отрывки. Между прочим, русский пейзаж (зимняя и летняя дорога); перечитывание строк задушило меня какой-то безвыходной грустью. Эта степь — Русь — так живо представилась мне, современный вопрос так болезненно повторялся, что я готов был рыдать. Долог сон, тяжел. За что мы проснулись — спать бы себе, спать, как все около!..» Все спало около и пробуждение казалось, повидимому, минутами тяжкой карой, в особенности тогда, когда проснувшийся оказался в далекой Сибири... Но лучшие русские люди мужественно и самоотверженно несли свой крест гражданского одиночества, не переставая искать путей и способов для воздействия на спящую Россию.

Тридцатые и сороковые годы, несмотря на нашу хроническую реакцию сверху, знаменуют собою эпоху, сравнительно богатую философскими и общественно-политическими идеями, оказавшими несомненное влияние на освобождение крестьян. Главный вождь этого периода Белинский пережил, быть может, как никто другой в истории передовой мысли, великую и страшную трагедию, основой, сюжетом которой была все та же пропасть между передовыми идеалами, шедшими к нам из Западной Европы, и мертвой русской действительностью. Страстно влюбленный в лучшие идеи и свободу культурного Запада и не видя кругом реальных условий для их осуществления, Белинский становится то на одну, то на другую сторону «социальной антиномии». То его увлекает философия Фихте, согласно которой идеалы признаются доподлинной действительностью, а допод-

линная действительность иллюзией, то он находит успокоение в одностороннем истолковании формулы Гегеля, будто все существующее разумно, т.-е. фатально необходимо. В первом случае русская действительность была сведена при помощи философии Фихте на степень иллюзии во имя торжества дорогих идеалов, а во втором, наоборот, идеалы на основании философии Гегеля были принесены в жертву для примирения с действительностью, которая начинает казаться гениальному критику разумной во всех своих проявлениях, без всякого исключения. Найти синтез, единство, плодотворное согласование перенесенной к нам западно-европейской передовой мысли с отсталыми социально политическими отношениями очевидно было в то время невозможно, если его не мог открыть такой гениальный и творческий ум, каким был Белинский [1]).

Герцен, выступивший на историческую арену в ту же эпоху, ищет, подобно Белинскому, страстно и с присущей его бурному темпераменту эмоциональной тревогой разрешения все той же «социальной антиномии». По существу публицист-художник, Герцен, несмотря на свой большой обобщающий ум и истинную любовь к единству философской мысли, был менее философской натурой, нежели Белинский, которому, по свидетельству Тургенева, казалось весьма странным приступить к обеду, раз не закончен спор о бытии бога. Знаменитый автор «Былого и дум» был прирожденным общественным деятелем, с большим уклоном в сторону широкой, живой общественной деятельности большого масштаба. Быть может отчасти — говорю отчасти, так как, кроме субъективного момента, играла, без сомнения, роль и объективная обстановка, — эта именно черта и послужила главной побудительной причиной, почему Герцен в своих исканиях разрешения указанной антиномии останавливается на эклектическом компромиссе — правда, для того времени весьма оригинальном — между теорией самобытности славянофилов и коммунистическими идеалами западно-европейских утопистов.

Уже в 50-х годах он ставит вопрос, должна ли русская история в ходе своего будущего культурного развития повторить все стадии, пройденные западно-европейскими государствами, или же в недрах русской действительности кроются элементы, делающие излишним подобное повторение. И вопрос был решон в желательном направлении. Россия может избежать капиталистического периода, и ее жизнь может пойти по

---

[1]) Гениальный критик снова впоследствии, как известно, стал горячим сторонником западно-европейской культуры и государственности, но действительного синтеза он не нашел.

иным законам. Община составляет связующее звено, мост, по которому русский народ, воспитанный на коллективной собственности в своем общинном быту, может непосредственно перейти к социализму.

Эта привлекательная, заманчивая теория, ставшая впоследствии главной теоретической основой активного народничества, доказывалась в шестидесятых годах Чернышевским с большой обстоятельностью и философским остроумием [1]).

Согласно этой самобытной теории, правовой гражданский порядок капиталистического государства рассматривался исключительно, как орудие в руках буржуазии для эксплоатации угнетенных масс, а борьба за политическую свободу считалась прямой изменой народу. Конечным выводом из этих построений был тот, что в России благодаря сохранившейся поземельной общине, социальный и политический переворот произойдут одновременно. Достижение такого радикального переворота представлялось народникам делом более или менее близкого будущего, так как субъект этого переворота, крестьянство, проникнуто инстинктивно, бессознательно социалистическими стремлениями.

Как бы ни расходились враждовавшие между собою главные направления внутри активного народничества — «впередовцы», испытывавшие на себе значительное влияние немецкой социал-демократии и относившиеся к ее теории и практике благосклонно, и «бунтари», исповедывавшие анархическую теорию Бакунина и Прудона, в основных предпосылках и конечных заключениях обе фракции были совершенно солидарны. Исходной точкой оставалась, как для одной, так и другой фракции, все та же поземельная община, а заключительным аккордом полное и упорное отрицание желательности и целесообразности борьбы за политическую свободу.

Подняв знамя политической борьбы и сообщив тем самым новый размах освободительному движению, «Народная Воля» сделала решительный шаг вперед. Тем не менее это новое направление в нашем освободительном движении оставалось по своему теоретическому существу на почве народничества. И с точки зрения «Народной Воли» крестьянство остается единственной народной массой, в среде которой бессознательно живут социалистические инстинкты, но массой, не способной к активной политической инициативе. Сообразно с этим актив-

---

[1]) Предвиденье возможности развития капитализма не только не подсказывает знаменитому писателю пересмотр своей оценки поземельной общины, но, наоборот, это предвиденье диктует необходимость всеми силами поддерживать общину во имя избежания капитализма с его «язвой пролетариатства».

ная социалистическая интеллигенция берет на себя инициативу и, захватив политическую власть, передает ее народу, который приступит к делу организации социалистического порядка. Проповедуемое народничеством совпадение политического и социального переворота сохранилось, таким образом, *теоретически* в головах народовольцев в полной силе. Если формула народничества гласила «Все для народа и посредством народа», то формулой народовольцев являлось «Все для народа посредством интеллигенции». В этом отношении «Народная Воля» сделала несомненный шаг назад в сторону утопии.

Но как бы ни обстояло дело с теоретической последовательностью, или, вернее, непоследовательностью миросозерцания «Народной Воли», эта политическая организация развернула деятельность, которая показала и друзьям, и врагам свободы, что русская революционная интеллигенция умеет систематически, упорно, не останавливаясь ни перед какими жертвами, преследовать высокие исторические цели.

Высший, кульминационный пункт деятельности «Народной Воли», выразивший собою крайнюю степень напряжения, казнь Александра II, был в то же время — словно в хорошо продуманном драматическом произведении— завершением драматического действия.

Надежды и упования на положительный исход были безжалостно разбиты суровой действительностью. Организация распалась, и лишь в крупных городах ютились остатки пораженной армии без вождей и без снарядов; всякая попытка создать новую организацию разрушалась в самом зародыше. Реакция ползла со всех углов. Подобно тому, как после грозы на поверхности земли появляется множество отвратительных пресмыкающихся, на арену общественной жизни выступили все ничтожные реакционные силы, гордо подняв свою голову.

Но длительное историческое движение сделало свое дело. «Наш «мыслящий пролетариат», писал Г. В. Плеханов в брошюре «Социализм и политическая борьба», «сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал царизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса».

Совершенно естественно, что такое крупное историческое наследство должно было найти себе достойного и щедро одаренного природой преемника, который, исходя из критики прошедшего и в то же время не разрывая с ним, открыл бы новые пути.

Таким именно новатором явился Г. В. Плеханов.

II.

В 1883 году выступила на широкую дорогу исторической жизни Группа «Освобождения Труда». В ее состав, кроме Г. В. Плеханова, вошли хорошо известные международному социализму П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч и Вера Засулич [1]).

Первым изданием Группы «Освобождение Труда», была, как известно, брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба».

В этом замечательном произведении Г. В. Плеханов обратился к русской революционной интеллигенции и русскому рабочему классу с новым словом в полном историческом значении этого термина.

Всякий мыслящий, добросовестный и беспристрастный читатель, к какому лагерю он бы ни принадлежал, должен, читая эту замечательную работу, признать, что молодой автор прошел большую школу, что им продумано много дум и прочитано много книг, что усвоенное и творчески приложенное им миросозерцание стоило ему не мало умственных и душевных усилий, что он вступал на новый путь осторожно, осмотрительно, скептически оглядываясь кругом, и что, наконец, ему было очень тяжело расставаться с дорогими ему народническими убеждениями. В предисловии мы читаем: «Стремление работать *в народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» — эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. *Теоретические* же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными. Годы пребывания за-границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии». «Поэтому рядом с борьбой против абсолютизма,—заключал Плеханов, — русские революционеры должны стремиться, по крайней мере к выработке элементов для создания такой

[1]) Еще в конце 80-х годов острили по поводу количественного состава этой русской марксистской организации, что ей не следует кататься на лодке, так как несчастный случай может пустить на дно всю марксистскую партию.

партии в будущем». В этих нескольких строках предисловия точно намечена главная тема работы.

Критика ведется на два фронта: против анархизма бакунистов, с одной стороны, и бланкизма «Народной Воли», с другой. И то и другое направление мысли имеет ошибочное представление об отношении экономии к политике, обусловливающее собою ложные практические выводы. Русские анархисты народники полагают, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства, а русский бланкизм видит, наоборот, в захвате власти альфу и омегу всего социалистического движения.

Корень этого заблуждения лежит в ошибочном представлении закона причинности.

Целым рядом блестящих примеров Г. В. Плеханов, развивая взгляд Энгельса на этот сложный предмет, показывает, что научное рассмотрение взаимоотношения явлений не позволяет фиксировать причину и следствие, как определенные, метафизические неподвижные категории. В сложных процессах природы, а тем более в социальной жизни одно и то же явление может быть и бывает то причиной, то следствием, в зависимости от различных условий среды. «По учению классической экономии, иллюстрирует автор эту мысль, высота заработной платы определяется, в среднем выводе, уровнем насущнейших потребностей рабочего. Значит, данная высота заработной платы есть *следствие* данного состояния потребностей рабочего. Но, со своей стороны, потребности эти могут повыситься лишь в случае повышения заработной платы, потому что иначе и не было бы достаточной причины для изменения их уровня. Следовательно, данная высота заработной платы есть *причина* данного состояния потребностей рабочего. Из этого логического круга нельзя вырваться с помощью школьных категорий причины и следствия. А мы будем попадать в него на каждом шагу наших социологических рассуждений, если забудем, «что причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами и то, что теперь или здесь, — следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот» (Из «Антидюринга» Энгельса).

В этом именно причинном взаимоотношении находится экономия к политике.

Эти теоретические соображения подтверждаются вслед затем эмпирическими фактами общественно-исторического развития,

ясно показывающими, что везде, где экономический процесс вызывает разделение общества на классы, — противоречие экономических интересов этих классов неизбежно приводило к борьбе за политическое господство. В частности, буржуазия являет собою образец сознательной классовой, политической борьбы: «Ставя себе, пишет там Г. В. Плеханов, совершенно определенные, хотя современем и изменяющиеся, социально-экономические цели, почерпая средства для своей дальнейшей борьбы из приобретенных уже выгод своего материального положения, буржуазия не упустила ни одного случая дать правовое выражение достигнутым ею ступеням экономического прогресса и, наоборот, с таким же искусством пользовалась каждым своим политическим приобретением для новых завоеваний в области экономической жизни». Тем же испытанным путем должен итти рабочий класс к своей конечной цели и фактически в передовых странах Западной Европы, где капитализм достиг внушительных размеров, он вступил на этот путь.

Благодаря своему экономическому и историческому положению и благодаря всей непосредственно окружающей обстановке, рабочий в зародыше, инстинктивно, потенциально социалист, но это потенциальное состояние не должно быть использовано для стихийных вспышек, служащих лишь величайшим тормозом для целесообразной организации масс, а должно развиться в классовое политическое сознание.

Подвергая критике анархическую теорию и тактику, Г. В. Плеханов рисует процесс развития и созревание сознания и силы пролетариата в следующих выражениях. «Они (рабочие, *Ор.*) стремятся к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства, реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников как на класс, окончательно осужденный историей, он может уже не сомневаться в своей победе. *Так*

называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой *политической*».

Так намечал Г. В. Плеханов движение пролетариата к своей конечной цели, определяя тем самым отношение программы минимум к программе максимум. Сознательный пролетариат ведет борьбу за социально-политические реформы, но реформы им отстаиваемые отличаются от реформ социал- реформаторов тем, что каждая из них должна быть согласована с конечной целью, составляя «клочок неприятельской территории». С точки зрения общей, целостной программы рабочего класса только те реформы заслуживают внимания и требуют борьбы, которые имеют своим ближайшим следствием демократизацию государства, улучшение экономического положения рабочего и которые служат цементом для организации масс и, прежде всего, импульсом для развития классового сознания.

Критерием, масштабом качества и значения каждой реформы является, таким образом, конечная цель.

Далее. Рядом и в связи с определением отношения экономической борьбы к политической и программы минимум к программе максимум, имеющим общее значение, Г. В. Плеханов намечает русскую программу.

В противоположность народническим утопиям всех оттенков автор «Социализма и политической борьбы» делает своей исходной точкой несомненный для него факт существования в России капитализма и неизбежную необходимость его дальнейшего развития. Субъект капитализма—буржуазия будет вынуждена ходом вещей рано или поздно стать в оппозиционное отношение к абсолютизму, так как буржуазный экономический уклад не может развернуться в надлежащем масштабе без гражданских и политических свобод. С другой стороны растет количественно и качественно двойник буржуазии — пролетариат. Этот, по существу своему, класс — новатор, сила которого состоит в его тесном сплочении и ясном классовом сознании своих исторических задач, нуждается для приобретения этой силы в политической свободе не меньше, а может и больше буржуазии.

Перед русским пролетариатом стоит, таким образом, двойная и в высокой степени сложная задача. — С одной стороны, ему приходится вести классовую борьбу против буржуазии, являясь по всей линии ее антагонистом, а с другой — он должен итти вместе с ней и оказывать ей поддержку, поскольку она становится в оппозиционное отношение к абсолютизму. Послушаем опять нашего автора:

«Мы думаем, что единственно не фантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание

свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая вместе с «правами человека» обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им путем всеобщего избирательного права возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа вызвала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма. И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского общества, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем другая, менее пугливая и более трезвая часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их героизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы наконец час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славное прошлое, ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шансы завоевать, таким образом, народу возможность политического развития и воспитания, а *себе* право открытого обращения к нему с своей проповедью и открытой организации его в особую партию».

Мы привели эту выдержку, несмотря на ее размеры, во-первых, потому, что мысли, в ней высказанные, ярко характеризуют дальновидный и творческий ум молодого автора; во-вторых, этой выдержкой, как и выше приведенными цитатами, мы считаем полезным напомнить нашему читателю основы первой программы Группы Освобождения Труда».

Приведенная выдержка отчетливо свидетельствует о том, до какой степени Г. В. Плеханов знал психологию нашей народнической революционной интеллигенции.

Русская революционная интеллигенция, воспитавшаяся на западно-европейской идеологии, сжившаяся с увлекательной мечтой об единовременном политическом и социалистическом перевороте, естественно теряла всякую связь с прозаической, далеко отставшей русской действительностью. Резкий контраст между идеалами и окружающей реальной средой, подпольная работа десятилетиями, ссылка, эмиграция, тюремное заключение, каторга — все эти факторы изоляции отрывали революционную интеллигенцию от реальной жизни и ставили ее вне общества, по ту сторону его.

Чувствуя себя выше окружающего тусклого мира, являясь единственно активной протестующей силой, она не выработала в себе необходимого для общественного деятеля такта, гибкости политической мысли и уменья оказывать влияние на умеренные общественные элементы и вести их за собой.

Напротив того, долголетняя систематическая изоляция развила в ней бойкотистскую психологию, догматическую неподвижность и прямолинейность поведения.

Гордая своим критическим сознанием, своими бесчисленными жертвами, мученическим крестом, своими могилами и, наконец, результатами своей деятельности, она аристократически противополагала себя всему робкому, нерешительному и трусливому либеральному обществу, рассматривая его, как ничтожную величину.

Такое противопоставление было и остается до сих пор в известном смысле вполне законным явлением. Но нравственное право на такое отношение шло вразрез с политическим расчетом. Настойчиво рекомендуя революционным элементам итти вместе с оппозиционной буржуазией, оказывать ей поддержку и вести ее за собою во имя политического освобождения России, Г. В. Плеханов не строит себе никаких иллюзий относительно характера нашей буржуазии. Ему известно, не менее чем любому анархисту, что буржуазный правовой государственный порядок не будет Аркадией для рабочего класса, что, овладев властью, буржуазия поведет войну против рабочего класса и пустит в ход все свои материальные и правовые ресурсы. Но это предвидение не должно вести к вредным, ошибочным, задерживающим историческое движение выводам; это предвидение подсказывает лишь необходимость организации масс и развития классового сознания, которое растет и крепнет в политической борьбе, при столкновении с разнообразными общественными силами. «Сама социалистическая партия, читаем мы в той же брошюре, завоевавши либеральной буржуазии свободу слова

и действия, может очутиться в «исключительном» положении, подобном положению современной немецкой социал-демократии. В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное».

Характеризуя господство буржуазии, Маркс остроумно замечает, что лозунги Великой Французской революции: Свобода, Равенство и Братство она — буржуазия — превратила в артиллерию, кавалерию и пехоту. Но эта оценка отнюдь не помешала Марксу зло и по заслугам высмеивать «истинных социалистов» Германии конца сороковых годов, ставших в отрицательное, бойкотистское отношение к борьбе немецкой буржуазии против абсолютизма и проповедовавших народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть.

Такая двойственная оценка роли буржуазии не была, конечно, логическим противоречием, а определялась диалектическим отношением к противоречивой действительности.

Усвоив с изумительной тонкостью диалектический метод и творчески применив его к анализу русской действительности, шагнувшей в социально-экономическом отношении далеко вперед не только со времени Чаадаева и Белинского, но и со времени Чернышевского, Плеханову удалось найти разрешение «социальной антиномии».

Брошюра «Социализм и политическая борьба», шедшая вразрез со всеми народническими традициями, привычным способом социально-политического мышления и чувствования 70-х годов вызвала бурю негодования.

В литературе против нее выступили Петр Лаврович Лавров, посвятив ей рецензию, и Лев Тихомиров—статью под заглавием: «Чего нам ждать от революции»?

К первой части брошюры—там, где изложены основные положения научного социализма,—Петр Лаврович Лавров, являясь поклонником Маркса, отнесся весьма благосклонно, даже похвалил автора за блестящее изложение.

Но другую оценку вызвала вторая часть, т.-е. намеченная новая программа деятельности и ее обоснование. Группа «Освобождение Труда»—полагал Лавров — вряд ли имела нравственное право на самостоятельное выступление, так как своим существованием она внесет элемент дезорганизации в и без того распыленную социалистическую среду.

Впрочем, едко замечает Лавров, сильного опасения эта группа не внушает, так как у нее нет никаких шансов на успех в будущем[1]).

---

[1]) Не имея под рукою «Вестника Народной Воли», где была напечатана указанная рецензия, мы воспроизводим ее содержание на память.

Такой прогноз со стороны осторожного П. Лаврова, который обычно с радостью приветствовал всякую оппозицию, поучителен во многих отношениях, но прежде всего он внятно и убедительно показывает степень смелости творческой мысли новатора.

«Социализм и политическая борьба», это первое издание Группы «Освобождение Труда», открывает собою, без всякого сомнения, новую эпоху в истории русской общественной мысли и революционной практической деятельности. Выступление на Казанской площади нашло в этом произведении свое теоретическое обоснование.

Вначале было ясно.

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О Г. В. ПЛЕХАНОВЕ.

В 1889 г., когда я приехала в Цюрих, общая картина политических настроений в русской революционной среде носила народнический характер. В рядах жившей там эмиграции и сочувствующей ей русской революционной молодежи господствовали клочки и обрывки народнических воззрений 70-х и «Народной Воли» 80-х гг. Шли бесконечные споры о программе и тактике. Споры же были тем более запальчивые и раздражительные, что русское революционное движение переживало тогда, как это, к прискорбию, у нас слишком часто повторялось, переходную критическую эпоху. На очереди дня стоял проклятый российский вопрос: «что делать?»

Возникшая в 1883 г. Группа «Освобождение Труда», успевшая в продолжение шестилетнего энергичного своего существования сделать чрезвычайно много для развития и выяснения своих идей, не пользовалась популярностью. Наоборот, общее отношение к этой новой революционной организации, к ее программе и тактике, было отрицательное до последней степени. Помню, как немного спустя после моего приезда в Цюрих один мой знакомый, провожая меня поздно вечером домой, указал рукой на светившееся окно и многозначительно заметил: «Видите свет в окне второго этажа вот этого дома?» — «Вижу, так что? — «В этом доме живет русский социал-демократ-«освободитель» и, представьте себе, страстный поклонник Плеханова.» — С большим и жадным любопытством посмотрела я на «странный, таинственный» дом, в котором жил «освободитель» [1]).

Русский социал-демократ был в то время довольно редким экземпляром, а признать Плеханова основателем нового серьезного революционного течения и быть его поклонником значило для большинства революционеров-народников стоять по ту сторону добра и зла.

[1]) П. Л. Лавров написал рецензию на первую социал-демократическую брошюру Плеханова «Социализм и политическая борьба», в которой назвал иронически членов Группы «Осв. Тр.» «освободителями».

Библиотека Института В. И. Ленина
202876.

Я поэтому очень хорошо поняла моего знакомого, указавшего на дом, в котором жил социал-демократ, как на клетку редкого зверя. И в особенности был для меня понятен высокомерный, слегка презрительный тон, с которым он произнес слова: «поклонник Плеханова».

Разделяя общее, господствующее настроение и предрассудки революционной среды, я представляла себе социал-демократическое учение наглым, чуть ли не преступным нарушением революционных традиций и дьявольским тормозом на пути к дальнейшему движению революционной мысли и революционного дела, а отсюда уже логически следовала само собой крайне отрицательная оценка личности и свойств таланта основателя русского марксизма.

В эклектическом миросозерцании народников субъективное, нравственное начало играло, как известно, господствующую роль. Нравственное осуждение существующего социально-политического порядка, сочувствие угнетенным и эксплоатируемым и нравственный долг мыслящей интеллигенции перед народом составляли главную духовную основу общего миросозерцания народника. Другими словами, нравственная оценка исторического и общественного бытия заменяла собою учет объективных общественных сил и их действительного взаимоотношения. Идеалы будущего рассматривались, как самопроизвольное начало, определяющееся свободной волей личности.

Научно-объективное начало в построении народничества, без которого, к слову сказать, не обходится ни одна утопия — казалось случайным элементом, несмотря на горячие теоретические споры о судьбах русского капитализма, о социалистических потенциях поземельной общины и о возможности «перескочить» через капиталистический порядок непосредственно к социализму и т. д. Короче, в народническом течении всех оттенков преобладали субъективный метод и преклонение перед нравственной «формулой прогресса». Но было бы, тем не менее, глубоко несправедливо утверждать, что последователи народнической романтики чуждались научной мысли или просвещения. Отнюдь нет. Наоборот, чтение серьезных книг по некоторым и довольно разнообразным отраслям человеческого знания считалось чуть ли не обязательным для революционера народнического толка. И нет никакого сомнения, что революционеры 80-х годов читали несравненно больше, нежели современные социал-демократы и социалисты-революционеры, которые к великому ущербу для социалистического дела питаются духовно почти что исключительно газетной литературой. К науке существовало у народников большое уважение. Тем не менее наука и революция представлялись им, как противоположные кате-

гории. Главная причина такого взгляда на взаимоотношение научной мысли и революционной практики заключалась, как мне кажется, в утопическом стремлении перегнать западно-европейскую цивилизацию при помощи морально-субъективных усилий героических личностей. Объективная серьезная оценка русской действительности, научное обоснование программы и тактики могли легко разрушить отрадные и заманчивые иллюзии насчет немедленного осуществления социалистического строя. Отсюда совершенно понятно психологическое раздражение, с которым большинство революционеров встретило первые произведения Г. В. Плеханова.

Новое революционное мировоззрение, основанное на строго научном мышлении, требовавшее беспристрастного, всестороннего анализа общественных отношений, мировоззрение, противополагавшее популярный нравственной «формуле прогресса» Михайловского объективный метод Маркса-Энгельса, означало полный, решительный разрыв со старыми навыками революционной мысли, разрыв, который должен был оттолкнуть подавляющее большинство революционеров от смелого новатора. Марксистский метод, который, по словам Коммунистического Манифеста, должен возвыситься до понимания хода исторического движения и согласно которому капитализм и сильное развитие промышленной буржуазии являются необходимыми историческими предпосылками социализма, казался утопистам-народникам реакционным методом, а проповедник этого метода являлся в их глазах изменником революционному делу.

Георгий Валентинович рассказывал как-то, что когда отец привез его в кадетский корпус, ученики корпуса, его будущие товарищи, встретили новичка кулаками. «Я не знал, — вспоминал Г. В., — этого обычая, будучи уверенным, что в храмах науки только учение имеет место [1]). Но я сейчас сообразил, что раз дерутся, надо дать сдачи,—и дал. Драчуны, как мне казалось, остались довольны моей сообразительностью, и мы впоследствии стали товарищами». — Точно таким же образом был встречен революционными кругами сделанный Георгием Валентиновичем прорыв в истории. Сказанное им новое и сильное слово вызвало прежде всего страшное желание драться. И точно так же, как и в кадетском корпусе, Г. В. дал сдачи.

Классический ответ П. Л. Лаврову и Л. Тихомирову — «Наши разногласия» — возбудил в народнической среде бурю

---

[1]) По свидетельству сестер Георгия Валентиновича, Варвары Валентиновны и Клавдии Валентиновны, Г. В. был в детстве очень сосредоточенным мальчиком, избегавшим шалости и драк. Самым любимым его занятием было чтение.

негодования. Это историческое произведение, как рассказывали люди, заслуживающие полного доверия, некоторыми революционными кружками сжигалось. Фанатики-сектанты, воспитанные на методах борьбы азиатского самодержавия, воображали, повидимому, что мысль и духовное творчество можно и в XIX столетии истребить при помощи огня.

Вся окружающая атмосфера, в которой пришлось Плеханову вести борьбу за свои новые идеи, была насыщена злобой, ненавистью и подчас плохо скрываемой завистью к молодому, сильному и блестящему борцу. Творили клевету, словно боги, из ничего. Но странное дело, несмотря на такую дикую травлю, каждое выступление Георгия Валентиновича в той или другой швейцарской колонии было для всех, без всякого исключения, истинным праздничным событием. Первый раз мне довелось слышать Плеханова в 1891 году. Еще за месяц до его приезда в Цюрих читать лекцию или, как тогда говорили, «реферат», молодежь, определенно настроенная против социал-демократического учения вообще и высказывавшая явное нерасположение к Георгию Валентиновичу в частности, ждала его приезда с жадным нетерпением. И вот, не вспомню сейчас точно, в каком именно месяце первой половины зимы, ко мне в комнату влетела одна моя приятельница и, не успев поздороваться, сообщила с волнением в голосе: «Плеханов приехал». — «Чему же вы так радуетесь? — спросила я, — ведь вы же, насколько мне известно, далеко не поклонница идей Группы «Освобождение Труда», а личность Плеханова, помните, как вы не однажды характеризовали?» — Она немного смутилась, а затем, собравшись с мыслями, ответила: «Люблю слушать его, он талант и уж больно хорошо говорит».

На следующий день, вечером, все русские, находившиеся в Цюрихе, буквально все, кроме больных и детей, спешили на лекцию Плеханова.

Темой лекции был волновавший тогда Россию голод. Тема эта, помимо общего и жгучего значения, имела еще и частный, специальный, так сказать, партийный интерес. Как уже было замечено, социал-демократия представляла собою в количественном отношении ничтожную величину, но в смысле качества первые последователи Группы «Освобождение Труда» являлись, по весьма понятной причине, наиболее политически мыслящими людьми. Они больше думали и больше читали, нежели теперешние социал-демократы. Тем не менее и над их головами тяготела традиционная мысль их недалекого прошлого. Оторванность от сложной и многообразной действительности, вкоренившееся в плоть и дух сектантства, привычка противополагать себя во всем и абсолютно всему остальному миру суживала их кру-

гозор и мешала усвоению нового, чуждого сектантства и утопизма материалистического научного миросозерцания Плеханова.

Это духовное наследие сектантского прошлого ярко сказалось в вопросе об отношении социал-демократии к голоду. Во-первых, участие в организации помощи голодающим представлялось молодым социал-демократам филантропическим делом, идущим вразрез с революционными методами действий; во-вторых, мысль о борьбе с голодом при самодержавном режиме казалась им молчаливым признанием этого последнего; в-третьих, голод являлся с их точки зрения фактором прогресса, так как это народное бедствие должно было вести к якобы «желательной» скорейшей пролетаризации деревни.

Г. В. Плеханов держался другого взгляда на этот вопрос. С его точки зрения, живое деятельное участие в организации помощи голодающим открывало благотворную почву для революционной агитации против того же самодержавия. Гуманное сострадание голодающим и стремление оказать несчастным крестьянам посильную помощь совпадало в широком воззрении Плеханова с политической целесообразностью, нравственный долг согласовался с социально-политическими задачами. Между молодыми учениками и учителем возник, таким образом, конфликт, если не ошибаюсь, первый.

Ясно, что лекцию ждали с особенно напряженным интересом. К 8 часам вечера большой зал был переполнен.

На эстраде появился Плеханов. Тогда среди русских не было обычая встречать оратора рукоплесканиями. Наоборот, при появлении Плеханова мгновенно воцарилась такая тишина, что действительно можно было услышать жужжание мухи, если бы таковой вздумалось пролететь. Я увидела Плеханова в первый раз. Не стану описывать подробно его наружность. С чисто внешней стороны она известна по фотографиям. Говорю, с внешней стороны, так как познание наружности человека, а в особенности — наружности крупного человека, также не дается сразу, а требует тщательного и тонкого наблюдения в продолжение значительного периода времени и при различных условиях жизни. При первом же взгляде на Георгия Валентиновича бросалось в глаза резкое его отличие от других видных эмигрантов. Почти на всех эмигрантах, которых мне пришлось видеть до тех пор, был сильный отпечаток нигилизма, отщепенства и оторванности от окружающей их действительности. С первого взгляда было видно, что это люди кружка, адепты секты. Во внешнем облике Г. В. Плеханова, наоборот, не заметно было и тени сектантства. На эстраде стоял блестящий человек, или, как французы говорят, bel homme лет 30 слишком, с изящными, благородными манерами, со сдержанными движениями,

одетый тщательно, разумеется, без признаков франтовства, но с хорошим вкусом, обнаруживающим художественную натуру и человека, украшающего свой костюм.

Г. В. начал свою речь с легким, едва заметным волнением в голосе, свойственным истинному артистическому таланту и настраивающим слушателей на известный лад. Чарующий тембр голоса, чудесное произношение, ясная и отчетливая дикция, строго литературная речь, словом, классическая форма ораторского искусства приковывали эстетическое внимание слушателей. Но власть Плеханова над аудиторией объяснялась не только формой. Действовало, как всегда и во всем, главным образом, содержание.

Огромная эрудиция, полное господство над предметом, широкое миросозерцание, железная, ясная и в то же время гибкая и оригинальная мысль, плюс бурная, революционная страсть, плюс тонкое, образное остроумие, — все эти слагаемые, сосредоточенные в одном избраннике природы, приводили слушателей, всех слушателей без всякого исключения, в восторженное состояние, вызывая высокий духовный подъем и усиленную работу мысли.

В первой части лекции Георгий Валентинович нарисовал полную и страшную картину голода, объясняя причину народного бедствия историческими условиями российского бытия и в частности государственной системой самодержавия. И «холодный» марксист Плеханов, который, по словам народников, рекомендовал «варить крестьянина в фабричном котле», довел некоторых слушателей до слез. Казалось, что вся толпа слилась в одно целое и что сердце этого слитного целого дрогнуло, когда оратор закончил один оборот речи словами поэта:

Не беда, что потерпит мужик.
Так ведущее нас провидение
Указало, да он же привык.

Вторая часть лекции была посвящена изложению задач социал-демократов в борьбе с голодом.

Настроение присутствующих поднималось все выше и выше и естественно сообщалось оратору, который жил одним настроением с публикой и в то же время стоял совершенно отдельно от нее на высоком пьедестале, стараясь классической ясностью своего блестящего изложения поднять ее на все большую и большую интеллектуальную и моральную высоту. Тут ярко сказывался свойственный Г. В. Плеханову социалистический культурный демократизм, т.-е. *демократизм истинный*. История древней Греции рассказывает, что Перикл, собираясь говорить перед афинским народом, молил богов, чтобы никакое неприличествую-

щее предмету или неблагозвучное слово не вырвалось из уст его. Плеханов был, как известно, философом-материалистом. Он не верил в помощь богов, так как не признавал их существования, но говорить публично было для него, как для доблестного афинского гражданина, ответственным и священным делом. Чувствовалось, что лекция, несмотря на изумительную свободу изложения, продумана и обработана с величайшей тщательностью как по содержанию, так и по форме.

После двухчасовой лекции последовали прения. Выступали «официальные», так сказать, оппоненты, народники, считавшие своим партийным долгом возражать Плеханову. И надо сказать правду, это был действительно тяжкий, аскетический долг, ибо говорить после Плеханова и произведенного его речью впечатления значило обречь себя на полный провал. Публика слушала оппонентов рассеянно, ожидая с большим и очевидным нетерпением заключительного слова оратора, в котором последний отвечал оппонентам, а также на заданные вопросы некоторых слушателей. Мой сосед и приятель, который еще не был социал-демократом, обратившись ко мне после лекции, заметил: «Вы еще услышите заключительное слово. Он замечательно полемизирует». Заключительное слово было в самом деле прекрасным произведением искусства. И тут, в этой импровизации, не было ни одного неприличествующего предмету или неблагозвучного слова. Но прежде всего сказывалась в нем героическая боевая натура и сильный полемист в стиле Лессинга. Противники были разбиты на голову и, казалось, рады, что кончилось их тяжкое испытание.

На следующий день вечером состоялись собеседования, в которых принимали участие определившиеся социал-демократы и сочувствующие. На этом интимном узком собрании мне не пришлось присутствовать. Но рассказывали, что Плеханов был «в ударе» и с изумительной, исчерпывающей обстоятельностью давал ответы на все вопросы.

В общем приезд Плеханова имел огромное значение. Колебавшиеся примкнули к новому течению революционной мысли. В колонии долго спустя после отъезда Г. В. говорили и спорили о прочитанном «реферате» и с увлечением повторялись остроты оратора. Словом, как уже сказано выше, посещение Г. В. было большим событием в жизни русской колонии.

Впоследствии, когда я с моей покойной сестрой Идой Исааковной жили, начиная с 1894 г., в Берне, мне пришлось от имени бернской социал-демократической группы вести переписку с Георгием Валентиновичем насчет его приезда читать ту или другую лекцию. Колония, зная, что эта приятная обязанность возложена на меня, не давала мне в буквальном смысле покоя.

Могу сказать без всякого преувеличения, что каждый, кого только пришлось встречать мне или моей сестре в университете или на улице, задавали первый вопрос: «Когда приедет Плеханов?»

Все прочитанные Георгием Валентиновичем лекции в Берне от 1894 до 1903 г. и все его жаркие полемические схватки с оппонентами живут в моей памяти полной жизнью. Не могу не остановиться на еще одном реферате Г. В. Плеханова. Это было, если не ошибаюсь, в 1898 г. Георгий Валентинович читал, или, точнее, говорил об общих задачах русской социал-демократии. Как всегда, зал был битком набит, как всегда, присутствующие слушали лектора с напряженным вниманием, прерывая там и тут торжественную тишину залы громом рукоплесканий, как всегда, финал вызвал настоящую, длительную, дружную и бурную овацию и, наконец, как всегда, выступили оппоненты народники. Возражали Ж. и Р. Оба оппонента указывали на основное, с их точки зрения, противоречие в русской социал-демократической программе. Это противоречие состояло в том, что, с одной стороны, массовое движение возможно лишь при условии существования политической свободы, а с другой, политическая свобода может быть лишь результатом массового рабочего движения. Русская социал-демократическая программа вращается поэтому в безысходном заколдованном кругу. Продолжая эту мысль, Р. вывел заключение, что у Группы «Освобождение Труда» русская национальная программа вообще отсутствует.

В своем заключительном слове Г. В. дал блестящий и обстоятельный ответ своим противникам. Остановившись на указанном якобы противоречии, оратор развернул с изумительным мастерством диалектику в движении истории человечества. При помощи многочисленных, ярких фактов социальной борьбы классов он показал, каким образом подобного рода противоречия находят свое синтетическое примирительное разрешение в поступательном ходе исторической действительности. Движение рабочего класса, обусловленное классовыми противоречиями, совершается и не может быть остановлено полицейским самодержавием. В борьбе за политическое освобождение рабочий класс будет играть главную, решающую роль, а с другой стороны, завоевание политической свободы явится могучим фактором на пути дальнейшего поступательного движения народных рабочих масс. Выходило, что то, что кажется оппонентам логическим формальным противоречием и заколдованным кругом, есть на самом деле противоречие историческое, коренящееся в недрах общественной действительности и находящее свое разрешение в ходе социального развития.

Затем, дойдя до упрека в том, что у русских социал-демократов нет программы, Георгий Валентинович взял лежавшую

перед ним программу Группы «Освобождение Труда», положил ее к себе на грудь и, придерживая ее обеими руками, обратился к публике со словами: «Вот наша программа! Вот она! Нужно только научиться внимательно читать ее». Зал на мгновение замер, а затем раздался гром аплодисментов, длившихся, мне думается, минут пять. Публика почувствовала, что программа на груди Плеханова, это часть его души, и что за эту программу автор готов итти на Голгофу. Публика почувствовала это и дала своему чувству сильное и яркое выражение. Г. В. стоял на эстраде, слегка взволнованный и бледный. Р., раздраженный поражением, крикнул на всю залу: «где мои галоши?» Он под аккомпанемент дружного смеха присутствовавших решился, повидимому, бежать с поля битвы. Но другой оппонент Ж., явно увлеченный красотой и величием момента, любовался оратором. Об этом отчетливо говорили его воодушевленные черты лица и восхищенный взгляд, устремленный на Плеханова.

Так, таким истинным триумфом закончилось памятное, я уверена, для всех присутствовавших собрание.

Слушая Георгия Валентиновича в данной обстановке, подчас казалось странным и обидным, что такому огромному человеку, такому классическому оратору, лукавая судьба русской истории отвела для устной пропаганды и агитации такую ограниченную арену, как русские колонии в Швейцарии.

У швейцарского поэта Шнитшелера есть сильное и красивое стихотворение, в котором поэт изображает положение орла, случайно попавшего в курятник. Очутившись в курятнике, орел сделал попытку приспособиться к новой обстановке, но не выдержал. Потоптался, потоптался царь пернатых, хлопнул своими могучими, крыльями и понесся вверх, в свою высокую сферу, туда, где, по словам нашего поэта, кроме орла лишь ветер гуляет.

Так решают проблему жизни великой личности духовные аристократы, индивидуалисты.

Иначе смотрел на эту проблему основатель русской социал-демократии. На нашем последнем свидании с Георгием Валентиновичем 7 января ст. ст. 1918 г. покойный Г. В. в беседе с нами [1]) о философии и религии, между прочим, рассказал, что, будучи ребенком лет 6 — 7, он пришел к заключению, что богу должно быть необычайно скучно. Бог ведь один, совсем одинокий, между тем как каждому мужику весело, так как на деревне много людей, гораздо больше, чем даже в усадьбе.

[1]) Беседа происходила во французской на Васильевском Острове больнице, в палате моей покойной сестры И. И. Нас было трое, Георгий Валентинович, Ида Исааковна и я.

Вот когда и каким оригинальным образом зародилось в голове мыслителя-революционера начало демократической мысли.

Орел по своим богатым дарованиям, но демократ до мозга костей, Георгий Валентинович совершенно не замечал резкого контраста между калибром своей личности и узкой ареной его устной агитационной деятельности.

И хорошо, что не замечал.

Ибо его устная агитационная работа в русских колониях за границей имела огромное, не поддающееся точной оценке историческое значение.

1919 г.

ОБ ОТНОШЕНИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА К ИСКУССТВУ, ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ [1]).

Товарищи! Я выступаю сегодня от социологической секции Академии художественных наук и буду держаться строго своей темы. Не стану касаться Плеханова, как политического борца, и вообще его многогранной, богатой многообразным духовным содержанием личности, а займусь краткой характеристикой его отношения к искусству на основании моих личных воспоминаний. Но позвольте, тем не менее, предпослать несколько предварительных замечаний. Историк материализма Ф. А. Ланге, определяя материализм как мировоззрение, составляющее основу положительного знания, ставил ему в упрек бедность субъективным идеологическим содержанием.

Идеалистическая метафизика, рассуждает Ф. А. Ланге, хотя и является поэзией понятий, но она может гордиться своим родством с религией, поэзией и искусством, а ведь это большое преимущество.

В известном смысле, историк материализма был прав. Материализм до Маркса и Энгельса действительно держался в стороне от исторического содержания культуры человечества. Его главной сферой исследования были основы естествознания. Лишь в критических эпохах материалисты обращали свои взоры на государство и этику, как, например, Т. Гоббс и французские материалисты XVIII столетия. Эстетика, искусство должны были казаться им исключительно субъективной областью, к которой невозможно применение научных методов исследования, а то, что не может быть предметом положительной науки, не интересует материалистов. Только Дидро, следуя отчасти своей глубоко художественной натуре и назревшим требованиям эпохи, заложил некоторый фундамент научной эстетики.

Материалистическое понимание истории, поставившее своей целью дать строго-научное объяснение всему историческому

---

[1]) Речь, произнесенная на собрании, созванном социологической секцией Академии художественных наук и посвященном чествованию памяти Г. В. Плеханова по случаю 4-й годовщины смерти.

содержанию, должно было, естественно, обратить внимание и на искусство.

Но основоположники материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс, были не только кабинетными мыслителями, но и бойцами на поле битвы жизни. Теоретические задачи, непосредственно связанные с интересами практического движения пролетариата, стояли на первом плане. Вопросы искусства были поэтому отодвинуты на задний план.

В найденном наброске предисловия к «Критике политической экономии» Маркса мы находим три страницы, посвященных искусству. Но, к сожалению, рукопись обрывается. Как всегда у Маркса, содержание этих страниц интересно глубоким подходом к проблеме, но это между прочим. Важно то, что Маркс в предисловии, где дается формулировка материалистического понимания истории, останавливается специально на вопросе об искусстве. Энгельс ничего не оставил нам из этой области.

Серьезное внимание на проблемы искусства обратил Г. В. Плеханов. Влечение Г. В. к этой проблеме объясняется, на мой взгляд, следующими причинами. Во-первых, Г. В. Плеханов был в высшей степени сложной, художественной натурой: красота и искусство играли выдающуюся роль в его духовной жизни. Во-вторых, Г. В. получил свое революционное, духовное воспитание на произведениях Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Во всех европейских странах литературная критика имела колоссальное значение в критических эпохах. Но у нас в России на ее долю выпала особенно выдающаяся роль. При условиях полицейского самодержавия художественная критика являлась протестующим, революционным началом, подвергавшим критическому рассмотрению литературу, а в ее лице российскую действительность. Художественная критика имела историческое значение. Наши знаменитые критики соединяли вместе с революционной мыслью философское мировоззрение и глубокую художественную оценку. Г. В. шел по стопам своих первых учителей Белинского и Чернышевского. Как известно, Белинскому Г. В. посвятил обширную статью, Чернышевский и его творчество стали темой обширного произведения.

К «Неистовому Виссариону» Плеханов чувствовал такую глубокую привязанность и такое с ним сильное духовное родство, что его предсмертным желанием было быть похороненным вблизи могилы гениального критика. Это желание исполнено. Прах Г. В. покоится в соседстве с останками гениального критика.

Из сказанного, думается мне, вполне очевидно, какое сильное влияние оказала русская общественная мысль на духовное развитие основателя русского марксизма. Далее, отношение

Г. В. к искусству обусловливалось еще одним моментом, имевшим решающее и довершающее значение.

Этот момент — учение Маркса и Энгельса, взгляды основателей научного социализма на общественное развитие и их представление о характере и содержании революции.

Народники 70-х годов, к течению которых принадлежал в юные годы Плеханов, были к искусству более чем равнодушны. Хождение в народ требовало опрощения. Искусство было для них терпимо, поскольку оно было тенденциозно, т.-е. поскольку «художественное» произведение грешило против требований эстетики. Тенденциозные повести Решетникова, лишенные художественных достоинств, ставились выше «Детства, юности и отрочества», которое нашло себе должную оценку лишь в избранных литературных кругах. Такое отношение к искусству вытекало из всего мировоззрения народничества. Другое дело — революционное учение, вытекающее из исторического материализма. Тут не может быть речи об опрощении, о приспособлении к массам путем понижения культурных форм. Задачей представителей научного социализма является, как известно, главным образом, развитие сознания масс, не только политического сознания, как это склонны думать многие, но всестороннего, научного, этического и эстетического. Форма пропаганды социалистических идей должна соответствовать углубленному, серьезному научному содержанию. Истинная проповедь марксиста должна поднимать слушателя или читателя, а потому грубая форма, демагогия, дешевые эффекты так же неуместны, как неуместны такие формы выражения мысли в научном произведении. Популярность изложения, необходимая для пропаганды массам, требует еще более настоятельно художественной формы.

Этими взглядами был проникнут Плеханов.

Разрешите в подтверждение сказанного привести следующий, по моему мнению, необычайно характерный эпизод.

В 1905 г., после знаменательного 9-го января, в Женеву приехал Гапон, который немедленно после приезда явился к Плеханову. Не стану рассказывать интересные, впрочем, подробности его появления, последующие переговоры, разговоры и заседания с этим несчастным человеком. В связи с моей сегодняшней темой заслуживает внимания лишь следующая сцена.

Гапон написал нечто в роде поэмы, темой которой было хождение петроградского пролетариата, с ним во главе, к царскому дворцу. Поэма была написана в грубых, демагогических тонах, вульгарное содержание выразилось в соответственно грубой, демагогической форме. Гапон решил прочесть ее Плеханову и мне. В кабинете Г. В. Гапон и прочел ее. Кроме нас троих, никого не было. Во время чтения Г. В. слушал, как всегда,

серьезно, внимательно, не пропуская, я уверена ни одного слова, — манера слушать Г. В. мне была хорошо знакома. — По выражению его лица нельзя было бы определить, нравится ли ему вещь или нет, что, между прочим, вытекало не из нарочитой скрытности, а было следствием полного внимания к читанному. Гапон читал, лишь изредка поглядывая на своих слушателей, в особенности, конечно, — на Г. В. Чтение кончилось, наступило минутное молчание. Затем Плеханов встал. Я видала Плеханова в продолжение долгих периодов и при различных положениях. Но таким я его видела в первый и единственный раз. Г. В., вообще имея довольно импонирующую внешность, как бы сразу вырос во много раз и как-то внезапно стал чрезвычайно большим и величественным: «Так вы думаете, — обратился он к Гапону, — что к народу можно и нужно обращаться с такими детскими сказками? Народ — это ведь самая большая сила в историческом движении, народ — это великая вещь, и обращаться к нему с убаюкивающими сказками есть прямое и ничем неоправдываемое преступление. Итти в народ значит уметь говорить серьезно и, соответственно этому, облекать свою речь в простую, ясную и истинно-красивую форму, а вы, вот, вообразили, что народ состоит из мальчишек и что ему можно рассказывать, поэтому, вульгарные сказки».

Гапон был очень смущен и страшно побледнел. Тут Плеханов взглянул, дав мне понять, что лучше мне удалиться, так как мое присутствие ему мешало развернуть надлежащим образом свою полемическую речь: он все же щадил Гапона. Я ушла. На следующий день явился ко мне Гапон. Я обратилась к нему с вопросом: «А что, отец Гапон, как вам вчера понравился Плеханов?» — Позвольте мне сделать отступление и сказать мое впечатление о Гапоне. Оно следующее: несчастные стороны характера этого человека привели его к самому страшному преступлению — к предательству. Тем не менее Гапон был очень чутким человеком, и в душе его был несомненный контакт с народной массой. Он, поэтому, живо почувствовал большого человека и истинного представителя народа и на мой вопрос ответил таким образом: «Знаете, Любовь Исааковна, если бы мои привычки священника не оскорбили Плеханова, я пал бы перед ним на колени и поцеловал бы его ноги; он истинный представитель народа».

Он понял Плеханова. Я убеждена, что эта черта Георгия Валентиновича — его понимание и толкование развития сознания масс — обусловливала собой его глубокое отношение к искусству. Вопросами искусства он занимался очень серьезно.

Начиная с костюма, который всегда был приличен, несмотря на бедность, — а я узнала Плеханова и его семью в ту эпоху,

когда нужда была абсолютной властительницей дома, когда у него был один лишь костюм, — Г. В. никогда не имел опущенного вида и никогда не походил на обычный тип—тип русского эмигранта-нигилиста. Начиная от костюма и кончая стилем, над которым он работал с чрезвычайной тщательностью, он был эстет в подлинном, высшем, истинном смысле этого слова. И как уже упомянуто выше, этот эстетизм находился в полной связи с его представлениями о культурном смысле пролетарского движения.

Не имея ни малейшего желания беседовать с вами сегодня на теоретические темы, я буду, с вашего разрешения, продолжать речь беглыми воспоминаниями об отношении Г. В. Плеханова к искусству.

Четыре года тому назад, как раз в этот вечер, ко мне пришла потрясающая весть о кончине Г. В. Ярко вспоминая этот тяжкий час, мне хотелось бы остановиться на личной, интимной стороне отношения Плеханова к искусству. Я надеюсь и уверена, что и вы, пришедшие сюда чествовать память основателя русского марксизма, разделяете со мною это настроение.

Плеханов всегда читал художественную литературу. Я жила в его доме года два, от 1892 до 1894, а впоследствии жила года два рядом, в следующем доме (Плехановы жили в Женеве Rue de Candelle 6, а я по той же улице д. 4). Я, следовательно, имела полную возможность наблюдать за процессом работы Г. В. Читал Г. В. всегда. И Г. В. в моем представлении существует не иначе, как с книгой. И среди чтения по разнообразнейшим вопросам беллетристика занимала видное место. Из русских художников любимыми были Пушкин, Гоголь, Толстой и Успенский. К Достоевскому он относился с явным нерасположением.

Помню, как однажды в беседе о русской литературе я высказала ту мысль, что Достоевский является более демократическим писателем, нежели Толстой и Тургенев, у которых сильно чувствуется принадлежность к дворянскому сословию. Достоевский, говорила я, чутко относится к угнетенным. «Да, — ответил Г. В., — Достоевский, действительно, сочувствует угнетенному, но этот угнетенный должен быть хоть немного сумасшедшим». Любил он читать и Некрасова, но не во всем удовлетворяла его форма. Впрочем, отношение Г. В. к Некрасову выразилось в его статье о поэте.

Из литераторов позднейшего поколения Г. В. любил и очень высоко ставил Чехова и Короленко. Чехова читал часто и перечитывал. В Горьком признавал, конечно, большой талант, но коробила грубость формы, малая степень эстетической культуры, да и не соответствовала в творчестве Горького общему направлению Плеханова романтика босяков. Из немецкой литературы,

он был глубоким почитателем Гёте, Шиллера не любил, и это нерасположение к творчеству Шиллера объясняется, на мой взгляд, одной основной чертой Г. В. Плеханова. Плеханов отличался необычайной искренностью, в настоящем значении этого слова, той именно искренностью, о которой Ромэн Роллан говорит, что она такое же редкое качество, как ум, красота и доброта. Плеханова коробила самая малейшая фальшь, самая незначительная искусственность. Во всем, что бы он ни делал, о чем бы ни говорил, он был весь там; а ведь это и есть искренность. Творчество же Шиллера казалось ему несколько приподнятым, Тпрочем, были исключения, — Г. В. очень любил «Вильгельма велля». Гению же Гёте он поклонялся в буквальном смысле этого слова, в особенности восхищался первой частью «Фауста», вторую часть считал нехудожественной. С особенным интересом относился к Мефистофелю. Мышление этого философа диалектики и разрушения некоторым образом соответствовало диалектическому методу. Недаром же его так часто цитировали Гегель и Энгельс. Но ставя высоко «Фауста», Г. В. находил один элемент излишним, нарушающим величие этого творения.

Таким лишним элементом была трагедия любви Гретхен. Эта трагедия портила, по его мнению, общую картину. Фауст, это — трагедия познания, это — эпопея человека и человечества. А трагедия любви Гретхен — маленький, незначительный эпизод. Мефистофель — этот философ-разрушитель, сатана-богоборец, и чем же он занимается в трагедии Фауста — тем, что помогает Фаусту соблазнить 14-летнюю девчонку. При этом он с любовью ссылался на то место Гегеля, где великий немецкий идеалист говорит с суровой иронией о вкоренившейся привычке художников вечно возиться с сюжетом, как молодой Ганс полюбил молодую Гретхен. Плеханов всецело стоял на точке зрения Гегеля, что пора, наконец, перестать считать в художественном творчестве половую романтическую любовь главной темой. Романтическая любовь имеет, конечно, свое значение, этого Г. В. не отрицал, конечно, но ее значение—ничто в сравнении с другими явлениями исторической действительности.

Г. В. очень любил Гейне, преимущественно — его сатиру. Из интимной лирики Г. В. любил «Бурный поток» и «Азру». Этот романс Рубинштейна он слушал всегда с восхищением и часто просил свою жену Розалию Марковну петь его (у его жены был чудный голос).

Из английской литературы любимыми авторами были Шекспир, Байрон и Шелли, с особенно трогательным чувством относился к Диккенсу. В творчестве Шекспира он высоко ценил исторические драмы, в которых нашли свое отражение политическая жизнь Англии и некоторые черты эпохи Возрождения.

Любил Гамлета, которого иногда цитировал, замечая при этом: «Так думал еще принц датский». Цитировал он часто Макбета. Но терпеть не мог «Короля Лира» и считал эту драматическую фигуру взбалмошным стариком. Не будучи согласна с этой оценкой, я высказывала свой взгляд на эту трагедию Шекспира, и однажды мне показалось, что Г. В. сдался. Это было при следующих обстоятельствах, в конце девяностых годов, когда происходила борьба между Группой «Освобождение Труда» и примыкающими к ней революционными социал-демократами с экономистами. Группа «Освобождение Труда» после долгих неприятных перипетий отдала союзу свое революционное имущество: шрифт и какие-то еще типографские принадлежности. группа «Освобождение Труда» осталась без орудий. Понадобилось кое-что напечатать, и вот Плеханов оказался в драматическом положении. В этот момент я, обратившись к нему, заметила: «А, вот, видите, Георгий Валентинович, вы сейчас в положении «Короля Лира». Он улыбнулся, но, немного подумав, ответил: «А король Лир, все же, взбалмошный старик». Это отношение к королю Лиру вытекало не из каприза индивидуального вкуса, оно, как мне думается, коренилось в его революционной природе. Несмотря на всю разносторонность Г. В., он, повидимому, не был в состоянии проникнуться трагедией короля, лишившегося преждевременно своего трона.

Занимаясь фактически искусством и разработкой художественных течений в русской литературе, Г. В. всегда носился с мыслью подвергнуть исследованию эту великую отрасль человеческой культуры с материалистической точки зрения. Приступил же он к этой работе с полной определенностью в начале девяностых годов. И вот, работая над этой темой, он прочитал прямо неимоверное количество книг. У меня хранится значительное количество писем Плеханова, из этих писем можно видеть, сколько он читал. Дело в том, что ему не хватало собственной обширной библиотеки, ни женевских библиотек, и я ему высылала книги из Берна. Бернская государственная библиотека имела возможность выписывать для некоторых лиц книги из германских библиотек. Помню хорошо, как я надоедала библиотекарю, и тут же не могу не выразить восхищения этим чудесным стариком, который всегда шел навстречу моим просьбам. Книги по эстетике направлялись целыми большими пакетами Плеханову в Женеву. Это были произведения классиков по эстетике. Но отвлеченная метафизическая эстетика, ставящая проблему о красоте в себе, мало что могла дать теоретику исторического материализма.

Вопрос был поставлен на чисто историческую почву, именно: каково происхождение искусства? Г. В. обратился к этнологии,

которую он и до того времени знал весьма основательно. Но проблемы искусства требовали рассмотрения фактов иного порядка в культуре. И вот началась работа. Я снова стала надоедать библиотекарю государственной библиотеки. Но милый швейцарец сохранил свое прежнее отношение.

Могу сказать с полным убеждением, что Плеханов прочел все, что имеется по этому вопросу, раньше, чем приступить к писанию статьи о первобытном искусстве (она помещена в сборнике «Критика наших критиков»). И эту статью он читал в виде лекции в Берн. Вообще, надо заметить, Г. В. любил читать свои работы до их напечатания публике. Непосредственное впечатление, которое производило сочинение на слушателей, имело для него большое значение. Это объясняется тем, что Плеханов был бойцом и что главным стремлением его творчества являлась пропаганда излюбленных марксистских идей. К прочитанным лекциям о первобытном искусстве публика осталась в общем равнодушна. Она совершенно не поняла Плеханова. Ей казалось, что речь идет о первобытной культуре в общем ее смысле, о которой она читала в известных книгах Липперта и др.

Помню рассказ Плеханова о том, как подошла к нему после лекции девица и заявила с решительным видом: «А ведь я все это знала», — на что Г. В. ответил: «Искренно завидую вам, некоторые вещи я узнал только 2 — 3 недели тому назад». Эта энциклопедистка отразила, без сомнения, общее отношение большинства непонявших его слушателей [1]).

Плеханов продолжал свою работу упорно и серьезно, но сложность предмета, с одной стороны, и высокая требовательность, с другой, работа над «Развитием русской общественной мысли», с третьей, фатально отодвигали задуманное сочинение об искусстве на задний план.

Месяца за три до кончины, когда Г. В., повидимому, подводил общие итоги своей жизни и деятельности, он с глубоким сожалением раз заметил, что как-то не удалось использовать весь накопленный материал по вопросам искусства и довести до конца задуманный труд. Искусству он придавал колоссальное культурное утилитарно-пропагандистское значение.

В обще-культурном смысле искусство должно было, с точки зрения Плеханова, заменить религию. Религия, будучи плодом фантазии и воображения, выдает себя за действительность,

---

[1]) Это было в 1903 г. (до второго съезда, летом); коллектив «Искры» решил устроить ряд лекций в Бернской колонии, где было очень много сочувствующей социал-демократии молодежи. Плеханов прочел 8 лекций об искусстве, Ленин — 7 лекций по аграрному вопросу и я — 6 лекций по философии Канта.

между тем как искусство, отражая действительность, является тем, что оно есть в самом деле, — плодом художественного воображения. А в частности, театр должен заменить собой церковь. Перед нами прошел целый ряд авторов — художников, которые высоко ценились Плехановым. Среди них мы видели и реалистов, и романтиков. Спрашивается, какого же направления в искусстве придерживался Плеханов? Само собой разумеется, что в художественном творчестве на первом плане стоит талант, этим и объясняется то обстоятельство, что в числе излюбленных поэтов были Байрон и Шелли. Но что касается общего направления, то Плеханов стоял на твердой почве реализма. Искусство имеет своею задачей отражать действительность, но не только, как она есть, но и так, как она должна быть; иными словами, — действительность в ее поступательном движении и развитии. Ясно, таким образом, что долженствование, идеалы, которые должны найти свое отражение в художественном творчестве, также заключаются в действительности. Коротко можно эту точку зрения формулировать словами Гете:

Greift nur hinein ins volle Menschenleben,
Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ir's packt, da ist's interessant.

К символическому искусству Г. В. относился крайне отрицательно. Восхищаясь колоссальным талантом Ибсена, признавая его огромную драматическую силу, он все же не мог без раздражения говорить о «Пэр-Гюинте». Надо еще прибавить, что реалистическое направление в искусстве вытекало из общего принципа материалистического понимания истории. Оно являлось логическим следствием той высокой оценки самого исторического процесса и общего оптимистического взгляда на историю человечества.

Что же вам в заключение еще сказать? Скорбный час, и тяжело, слишком тяжело вспомнить, что четыре года тому назад скончался преждевременно, в цвете духовных сил, большой и благородный мыслитель, основоположник русского марксизма и один из столпов международного пролетарского движения. Жизнь Г. В. была прекрасной, художественной поэмой, полной глубоких драматических эпизодов. Не раз Г. В. бывал в положении ибсеновского доктора Штокмана. Но таков удел истинно исторических личностей.

Как относился Плеханов к Толстому? Разрешите указать на то, что есть статья Плеханова о Толстом, напечатанная в 1910 г. в московском большевистском журнале «Мысль». По моим личным воспоминаниям, личная оценка такова: как художник, Толстой силен и велик, как мыслитель — слаб.

Плеханов был революционером с головы до ног, и принцип непротивления злу насилием, конечно, не мог вызвать в нем никакого сочувствия и ни с какой точки зрения.

Кто был любимым композитором Плеханова? Г. В. любил музыку вообще, но самое глубокое и самое сильное впечатление производил на него Бетховен. Мощная гармония, сила и героизм в творчестве Бетховена находили себе полный отклик в сложной и сильной душе Плеханова. Вспоминаю один, как мне кажется, любопытный эпизод следующего характера. Мне несколько раз пришлось слушать исполнение Бетховена вместе с Г. В., и всегда слышала от него восторженные отзывы о творчестве великого мастера. Однажды имевшийся в Женеве замечательный хор (это был, а может и в настоящее время существует, городской хор, состоявший из 500 человек, в нем участвовали все музыкальные силы города, безразлично, какого класса) решил поставить «Торжественную обедню» Бетховена.

Были приглашены знаменитые солисты, прекрасный оркестр, словом, от концерта ожидали многого. Я выразила желание пойти на концерт, спросив тут же, собираются ли на концерт он и семья. Г. В. ответил, что не любит религиозной музыки. Надо заметить, что к религии Г. В. питал полное отвращение. Он никак не мог понять, каким это образом могут образованные и умные люди найти субъективное удовлетворение в миросозерцании бабушек и прабабушек, что, разумеется, ему нисколько не мешало считать серьезной задачей научное, историческое исследование религии. Но это — между прочим. Возвращаюсь к концерту. Я продолжала настаивать на том, что концерт несомненно будет весьма интересным. Присоединилась Розалия Марковна Плеханова, и кончилось тем, что Г. В., вся его семья и я отправились слушать «Торжественную обедню». Исполнение было классическое, глубоко проникновенное и сейчас вспоминаю с изумительной отчетливостью это благоговейное величие и силу чувства. Г. В. слушал серьезно, сосредоточенно, и чем дальше, тем отчетливее отражалось на его лице то сильное действие, которое произвело на него исполнение «Торжественной обедни».

На возвратном пути он был совершенно погружен в себя, под явным впечатлением музыки.

Ночь была, помню как сейчас, душная (дело было летом), темная, в воздухе зрела гроза.

Улицы Женевы были еще освещены. Плеханов шел с открытой головой, держа шляпу в руках. И в этот момент он казался выше своего обычного роста.

В продолжение недели он вспоминал концерт.

1922 г.

ПАМЯТИ ВЕРЫ ИВАНОВНЫ ЗАСУЛИЧ.

I.

В лице Веры Ивановны Засулич Россия похоронила одну из замечательных исторических личностей. Вера Ивановна пользовалась искренней любовью и широкой популярностью не только в культурной части русского населения, но и была хорошо известна Западной Европе и Америке.

Кто из интеллигентных людей не слыхал о русской героине?

Кто не знает хоть что-нибудь о знаменитом процессе 1878 г.?

Вера Ивановна родилась в дворянской семье. Свое образование и воспитание она получила в пансионе, в котором обучали главным образом французскому языку и хорошим манерам. Французским языком Вера Ивановна владела прекрасно, но манер «хороших» не усвоила. Энергичная, мужская походка, порывистые движения, полное и абсолютное равнодушие к своей внешности являлись очевидной противоположностью ее среды и служили лишним доказательством свободы и независимости этой замечательной женщины.

Когда ей было лет шестнадцать, Вера Ивановна знакомится с революционной средой и за представленный ею известному тогда революционеру Нечаеву адрес для конспиративной переписки расплачивается двухлетним тюремным заключением. С этого момента Вера Ивановна становится жертвой самодержавного русского правительства. Чередуются тюрьма и ссылка, ссылка и тюрьма. Чтобы хоть на время избавиться от преследования, Вера Ивановна переходит на нелегальное положение и селится в 1878 году в Петербурге под чужим паспортом.

В этот период правительственная реакция растет и наглеет. Одним из проявлений наглости реакции было подлое издевательство над политическим заключенным, осужденным на каторжные работы, Боголюбовым. Петербургский градоначальник Трепов, друг Александра II, отдал приказание подвергнуть Боголюбова телесному наказанию за то, что этот последний отказался исполнить его приказ снять перед ним шапку при встрече на тюремном

дворе во время прогулки политических. Экзекуция была приведена в исполнение . . .

Вера Ивановна Засулич, не зная лично Боголюбова, почувствовала своей гордой и свободной душой истинной революционерки весь ужас и все значение этого факта.

Она решается на свой собственный страх и риск наказать негодяя и показать царскому правительству, что есть сила, которая при нужде может карать его палачей. Она отправляется к градоначальнику Трепову и, подав прошение, выстрелила в упор и нанесла ему тяжелую рану. Бросив револьвер, она остается на месте, сохраняя спокойствие, не делая попытки бежать; она тут же была, конечно, арестована и заключена в тюрьму.

Правительство, будучи, повидимому, уверенным в строгом суде над «злоумышленницей», назначило публичный суд с присяжными заседателями. Процесс происходил при торжественной обстановке. Зал суда был переполнен. Ждали приговора с напряжением. Суд вынес оправдательный вердикт. Ясно, что на скамье подсудимых оказалась не Вера Ивановна, а русское правительство. Судили по существу не «злоумышленницу», а раненого Трепова вместе с его высоким покровителем Александром II.

Непосредственно после суда правительство, сознав свою ошибку, немедленно отдало приказ арестовать В. Засулич. Но друзьям и товарищам, при сочувствии людей из общества, удалось спасти Веру Ивановну, которая уехала за границу.

Вера Ивановна не была террористкой по своим политическим убеждениям. Совершенный ею террористический акт был естественным и непосредственным ответом на величайшее издевательство, совершенное над достоинством человека и революционера, в лице которого правительство нанесло оскорбление революционной партии. Не больше. Тем не менее выстрел В. Засулич является *прелюдией* к новой эпохе в русском революционном движении.

Возникшее тогда в среде революционного народничества течение, начинавшее признавать террор, как средство политической борьбы, черпало, без сомнения, в блестящем успехе процесса Веры Ивановны убедительное доказательство силы и значения террористической деятельности.

И на самом деле, успех был неожиданно ослепительный. Правительство, действительно, проявило растерянность. Тем не менее сама Вера Ивановна не поддается влиянию собственного успеха. Это люди с незначительной умственной и нравственной устойчивостью становятся часто жертвами и рабами того или

другого положительного результата своей деятельности. Другое дело Вера Ивановна.

Она, судя по всему, проходит спокойно мимо своей собственной удачи, которая не увлекает ее на путь террора. Наоборот: она ищет новых методов борьбы. После кратковременного пребывания за границей она возвращается в Россию нелегально, конечно, работая в народнических революционных кружках. Но в 1880 г. она снова едет за границу, где волей исторической судьбы остается на долгие годы.

Начало 80-х годов знаменует собою новую реакцию. В блестящей, героической деятельности «Народной Воли» революционное народничество достигло своего наивысшего драматического завершения. Казнь царя не дала непосредственных результатов. Наоборот: ближайшим следствием убийства Александра II была Голгофа, на которой погибли лучшие силы «Народной Воли». Революционные ряды народовольческого направления были расстроены, более активные и деятельные элементы изолированы. Одни сидели в тюрьмах и на каторге, другие эмигрировали, словом «иных уже не было, а другие были далече». Уцелели второстепенные и третьестепенные деятели, напоминавшие собою второстепенных и третьестепенных персонажей в трагедиях Шекспира, остающихся бродить по сцене, на которой лежат трупы главных героев, павших на поле битвы жизни.

Это — период растерянности и искания. Вера Ивановна Засулич принадлежит к искателям.

Обладая крупным и ясным умом, я бы сказала — мужским — если бы и мужчины не были различны в умственном отношении — большой любознательностью, а потому самому отчетливым сознанием необходимости теоретических знаний для революционера, Вера Ивановна много работает теоретически, пользуясь широко той возможностью, которую дает западно-европейская культура.

В процессе выработки своих новых теоретических убеждений она сближается с Георгием Валентиновичем Плехановым, который, как известно, закладывает в тот период фундамент русского марксизма.

Вера Ивановна становится инициативным членом Группы «Освобождение Труда», в состав которой, кроме нее, входили Павел Борисович Аксельрод, Лев Григорьевич Дейч и глава и вдохновитель этой первой социал-демократической организации в России Г. В. Плеханов.

Эта славная, имевшая такое глубокое историческое значение группа шла против течения. Нужно было много нравственного мужества, думаю, что не менее нравственного мужества, нежели

для покушения на Трепова, чтобы стать членом непопулярной в то время организации, вступившей в решительную схватку со старым утопическим народничеством.

Вера Ивановна является, таким образом, героиней *двух важнейших этапов* в развитии русского революционного движения.

Условия, в которых приходилось работать славным деятелям Группы «Освобождения Труда», поистине каторжные. Нет материальных средств, кругом враждебная атмосфера, не замечается на первых порах и сочувствия в России, словом, пришлось строить, в известном смысле, на «голой земле», но не голым людям, а людям, хорошо вооруженным истинно социалистическими убеждениями, знаниями, революционным опытом, горячим и благородным стремлением к настоящему развитию народных масс и серьезным сознанием долга и ответственности. Члены Группы «Освобождение Труда» сами собирают средства на свои издания, сами пишут, сами переводят, а Вера Ивановна сверх того по ночам и набирает. Вера Ивановна принимает энергичное и деятельное участие во всех изданиях Группы «Освобождение Труда». Ее талантливому перу принадлежат, кроме оригинальных произведений, также переводы из классических вещей по вопросам марксизма.

Лихорадочно и добросовестно работая по всем этим направлениям, Вера Ивановна не перестает учиться, живо интересуясь всеми главными проблемами гуманитарных наук. «Критику Чистого Разума» Канта она изучала вместе с Георгием Валентиновичем и очень хорошо была ориентирована в общем ходе Кантовской работы, что, разумеется, дело не легкое, требующее весьма серьезной степени отвлеченного мышления.

В области общего миросозерцания Вера Ивановна была и осталась до последних дней своих материалисткой, и в полном смысле этого слова сознательной материалисткой.

Вообще Вера Ивановна принадлежала к тем редким избранным натурам, которые ничего не принимают на веру. Ее пытливому критическому уму всегда был свойствен плодотворный здоровый скептицизм, движущий мысль вперед. Имея счастье встречаться с Верой Ивановной с 1893 года, я вынесла твердое убеждение, что эта замечательная женщина занимает место в первом ряду русских образованных и мыслящих людей.

Весьма своеобразным было и ее литературное дарование.

Мне кажется, что главными отличительными свойствами истинного художественного дарования является, во-первых, простота; во-вторых, действительное переживание, будь это интеллектуального или эмоционального характера, того содержания, которое изображается художником, публицистом или философом. Этими двумя качествами отличаются все произведения Веры Ивановны. Все просто и все пережито. Нет признака

литературщины, и совершенно отсутствует казенная революционная фраза.

Третьим периодом в ее революционно-политической деятельности является ее активное участие в борьбе против так называемого экономизма.

Сравнительные успехи массового рабочего движения в России, с одной стороны, «ревизионистская» мысль, шедшая к нам из Германии, с другой, создают в конце 90-х годов прошлого столетия течение в русской социал-демократии, известное под названием «экономизм». Это течение, выдвигая на первый план экономические злободневные интересы рабочего класса, отрицает целесообразность непосредственной политической борьбы против самодержавия, оспаривая вместе с тем значение нелегальной революционной деятельности.

Против этого одностороннего оппортунистического направления социал-демократической мысли выступает прежде всего Группа «Освобождение Труда», т.-е. Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и Вера Ивановна Засулич. К членам Группы «Освобождение Труда» присоединяется небольшая группа товарищей, находившихся за границей, которые вместе образуют организацию «Революционный социалдемократ». К этому же течению присоединились впоследствии приехавшие за границу из России Ленин, Мартов и Потресов.

Революционная социал-демократия, с членами Группы «Освобождение Труда», и с Лениным, Мартовым и Потресовым во главе начинает издавать в Штуттгарте «Искру» и теоретический журнал «Заря». В этих изданиях, имевших, без сомнения, серьезное и историческое значение в русском социал-демократическом движении, Вера Ивановна работает, живо и активно, как в качестве редактора, так и в качестве публициста.

В «Заре» она помещает статьи, имеющие теоретическое значение для разработки вопросов научного социализма. Все статьи ее в «Искре» представляют огромный интерес с точки зрения оценки рабочего движения. Наш марксизм, не сомневаюсь в этом, вспомнит эти работы, и наши рабочие будут учиться на них.

Четвертый период, в котором Вера Ивановна играет видную и серьезную роль — это период раскола на большевиков и меньшевиков, которому закладывается начало в 1903 г. на Лондонском съезде.

Вера Ивановна, П. Б. Аксельрод, Мартов и Потресов становятся во главе возникшего меньшевистского течения.

Вера Ивановна участвует во всех меньшевистских центральных организациях, являясь страстной и убежденной защитницей принципов меньшевистской тактики.

Далее, с самого начала войны 1914 г. Вера Ивановна, точно так же, как и Г. В. Плеханов и Л. Г. Дейч, продолжает стоять на точке зрения II Интернационала, т.-е. занимает оборонческую позицию. С момента возникновения организации газеты «Единство» Вера Ивановна, хотя и не принимает активного участия в ней, но стоит целиком на точке зрения «Единства». «Я счастлива,—сказала она мне, если не ошибаюсь в точности определения времени, в августе 1914 года,—что теперь между мною и Жоржем нет никаких разногласий [1]).

— Жорж прав во всем, но что толку? «Единство» одиноко, — закончила она с глубокой грустью.

Вот суммарный перечень периодов исторической деятельности Веры Ивановны.

Во всех этих периодах, в которых Вера Ивановна проявляла свою многогранную сложную натуру, можно отметить одну преобладающую сторону. Это твердое и непоколебимое убеждение в необходимости *самодеятельности и сознания масс.*

В апреле 1919 г. меньшевики оборонцы вместе с группой «Единства» отпраздновали 40-летний юбилей со дня оправдания Веры Ивановны. На этом интимном торжестве выступали с теплыми, глубоко искренними речами представители, если память мне не изменяет, всех направлений революционной мысли.

Вера Ивановна, которая никогда не выступала публично, на этот раз взошла на кафедру, к удовольствию всех присутствующих, и сказала: «Мы все говорили рабочим об их правах, но ничего не сказали им об их обязанностях. Между тем как рабочий класс, призванный играть такую огромную историческую и ответственную роль, имеет огромные и серьезные исторические обязанности».

Эти слова покойной Веры Ивановны должен крепко запомнить каждый истинный марксист и каждый сознательный рабочий. Кому много дано, от того много взыщется. Рабочий класс имеет великие исторические права, но и не менее серьезные исторические обязанности.

На этом я могла бы закончить эту сжатую статью, если бы речь шла не о Вере Ивановне, но когда речь идет о Вере Ивановне Засулич, невозможно кончить ее без того, чтобы не коснуться нравственной стороны этой крупной, исключительной личности.

---

[1]) В период «ликвидаторства» В. И. расходилась с Плехановым в вопросах тактики. Г. В. был, как известно, резким противником ликвидаторского течения.

II.

Немецкие романтики любили употреблять термин «нравственный гений». Этот термин весьма метко и как нельзя более удачно характеризует некоторые исторические личности. Нравственный гений более редкое и более исключительное явление, нежели гений интеллектуальный. Сократ не превосходил своим умственным творчеством ни Платона, ни Аристотеля, ни других гениальных мыслителей, которых знает и которыми гордится человечество. Тем не менее Сократ больше всех других проник на волнах мировой литературы до самых отдаленных и глухих углов духовного бытия человечества.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к типу «нравственных гениев». В ней жило и действовало сократовское начало. Революционерка, истинная дочь своего народа, любившая и страдавшая за народ, как редко кто, готовая каждую минуту, в любой час дня и в любой час ночи, отдать свою жизнь за то, чтобы «на свободной почве стоять с свободным народом», Вера Ивановна оставалась в то же время отделенной, как бы изолированной от общей революционной среды, самостоятельной, своеобразной и замкнутой в себе индивидуальностью; ее прекрасные, живые и умные глаза ясно говорили о ее бесконечной доброте и полной искренности, но тут же чувствовалось, что там, где-то глубоко на дне души, есть святая святых, куда «мирянам» вход воспрещен.

В своем общем мироощущении Вера Ивановна была скорее оптимистической, жизнерадостной натурой. Она любила жизнь и некоторые вещи на нашей маленькой планете. Она питала нежную и страстную привязанность к природе, любила солнце, любила поэзию, любила цветы, которые разводила на своем клочке земли в Тульской губернии [1]) и о которых она мне с упоением рассказывала года четыре тому назад, что в этом году она посадила их сортов 20 и что все они изумительно как хорошо развернулись.

Работая над моими этюдами об Оскаре Уайльде, я как-то раз в беседе с ней заговорила о произведениях английского поэта. Оказалось, что и Вера Ивановна большая поклонница этого крупного и несчастного художника.

— Я еще не читала «De profundis'а», — заметила она.

— Почему?

---

[1]) На деньги, вырученные от продажи своих сочинений, В. И. приобрела себе в Тульской губернии избу с огородом, где проводила лето, начиная с 1907 года, сама занималась без посторонней помощи обработкой огорода, главным образом, посадкой цветов.

— Не попадался мне на глаза. Вам, верно, теперь эта книжка нужна для занятий, — заметила она с душевной деликатностью, которая была свойственна ей:

Я нашла в книжном магазине экземпляр лучшего издания и отправила Вере Ивановне по почте.

Недели две спустя при встрече я спросила ее мнения об этой печальной и красивой исповеди.

— Я еще не читала,—ответила В. И.—вещи таких писателей приятно читать летом в деревне, а я ведь скоро еду в свою хату.

Вера Ивановна охотно и с видимым удовольствием проводила время в кругу своих близких товарищей, с большим удовольствием посещала театр, которому придавала большое значение. Она не отставала от компании товарищей, когда последние отправлялись в ресторан, где она вместе с гораздо более молодыми, чем она, товарищами оставалась до поздней ночи, принимая живое участие в беседе и доставляя истинное наслаждение своим своеобразным юмором.

Короче — в натуре Веры Ивановны не было и следа скучных элементов аскетизма религиозно-христианской мистики. Отнюдь нет. Ведь она же написала, и с большим духовным наслаждением, интересную и содержательную биографию Вольтера, а внутренний и в положительном смысле интерес к «фернейскому философу» явно свидетельствует о психологическом отвращении к мистицизму и мрачным аскетическим тенденциям. Тем не менее общее отношение Веры Ивановны к жизненным материальным благам и наслаждениям отличалось сократовским спокойствием. Она любила многое, но с легкостью могла отказаться от всего. Поэтому, несмотря на всю живучесть ее сложной, вечно юной натуры, к ней вполне применимы слова Гёте: «Von der Gewait die alle Wesen bindet befreit sich der Mensch der sich überwindet» [1]).

Покойный Георгий Валентинович рассказывал мне, что в конце 80-х годов В. И. серьезно заболела. Обнаружились грозные признаки туберкулеза.

Нужда, конечно, была лютая. Члены ЦК германской социал-демократической партии, узнав об этом, поспешили на помощь популярной русской героине и прислали, если не ошибаюсь в цифре, 1.500 марок. Во всяком случае сумма была значительная, вполне достаточная для поездки в Италию и лечения. Но в это время очутился в Швейцарии один польский революционер — эмигрант, который мог найти польную безопасность лишь в Америке.

[1]) От власти, которая связывает все существа, освобождается человек, преодолевший самого себя.

Необходимы были деньги для его спасения. Вера Ивановна отдала всю сумму, полученную ею для лечения. Бебель, рассказывал Георгий Валентинович, был поражен, узнав об этом факте. Великий и истинный вождь германского пролетариата, исполненный высокого гуманизма, Бебель хорошо понял нравственное значение такого поступка. Крепко врезался этот поступок и в память Георгия Валентиновича, который мне два раза рассказывал о нем. Первый раз в Швейцарии лет 15 тому назад, а второй раз осенью 1917 г. в Царском Селе. Однажды вечером за чаем мы были только вдвоем — Розалия Марковна Плеханова была в Петрограде—и беседовали о главных деятелях мирового социализма. Речь зашла о Вере Ивановне, и Георгий Валентинович вторично рассказал вышеизложенный факт, забыв, разумеется, что мне он уже известен из его же слов.

Одной из отличительных черт нравственной природы Веры Ивановны было изумительное объективное, эпическое, т.-е. справедливое отношение к человеческим поступкам и слабостям. При возникавших конфликтах и трениях, неизбежных в партийной жизни, в особенности в эмиграции, всегда обращались к В. И. с приглашением принять участие в разбирательстве.

Ее суждение было высшей нравственной санкцией. Вера Ивановна была Сократом русской социал-демократии.

Много говорили да и писали о ее скромности. Помню, как будто это происходило вчера, следующий эпизод, характеризующий эту ее черту. В 1893 г. летом приехала в Женеву и явилась в семью Г. В. Плеханова мать Карла Каутского, покойная Минна Каутская. М. Каутская была писательница-романистка, писавшая свои произведения с явно социалистической тенденцией. В это время она писала роман, в котором намеревалась посвятить одну или две главы изображению отличительных черт русских революционерок. Имея в виду эту свою цель, она приехала в Женеву знакомиться с Верой Ивановной. Вера Ивановна жила в это время вместе с Г. В. Плехановым в одной французской деревне — Морне, кажется, в двух станциях от французско-швейцарской границы. Г. В. Плеханов был выслан из Швейцарии и поселился в Морне, руководствуясь близостью Женевы, где оставалась его семья. Я жила в Женеве, в семье Плеханова, и там же встретилась с симпатичной Минной Каутской, которая пригласила меня поехать вместе с нею в Морне. Поехали. Никогда не изгладится в моей памяти смущение Веры Ивановны при этих, как она впоследствии выразилась, «смотринах». Она выглядела, словно девочка-подросток, которой впервые надевают длинное платье и приводят в общество. Воспользовавшись предлогом купить мяса для ужина, она ушла и вернулась часа через два. Минна Каутская

мало что узнала о характерных чертах русских революционерок, так как говорить с Верой Ивановной почти что не удалось. Но беллетристка, обладавшая некоторым художественным чутьем, все же кое-что отгадала в этой замечательной натуре. Когда я на возвратном пути задала ей вопрос, какое впечатление вынесла она о Вере Ивановне, она ответила: «Да это настоящая героиня. Ей противно все театральное». Заговорив об этом эпизоде, не могу обойти молчанием тот факт, что был явно смущен также и Георгий Валентинович. И он, этот блестящий собеседник, не любил «смотрин».

Вера Ивановна, действительно, отличалась большой, редкой скромностью, тем не менее эта скромность была не та скромность, которую восхваляют обыватели. Такой крупный человек, к тому же такая крупная революционерка, как Вера Ивановна Засулич, не может совсем не сознавать себя. Скромность ее имела глубокую психологическую основу. Мне кажется, что характер истинно великой личности проявляется, между прочим, в том, что она живее и отчетливее других сознает границы индивидуального познания и индивидуального умения. Ее скромность вытекала, поэтому, не из самоуничижения, а являлась следствием высоких требований от себя. В этом отношении Вера Ивановна была требовательна до чрезвычайности.

Заканчиваю этот сжатый очерк, и в моем воображении снова и снова встает милый, обаятельный образ Веры Ивановны. Вижу ее доброе и умное лицо, ее славную белую голову, слышу ее голос, ее порывистую, полную жизни речь, и я снова спрашиваю, неужели в самом деле нет, нигде нет более Веры Ивановны, неужели мы ее более не увидим и неужели ее никогда не увидит ни одно живое существо?

Тяжело поверить в смерть любимых людей.

1919 г. Тамбов.

А. И. ГЕРЦЕН.

(К пятидесятой годовщине смерти.)

Полстолетия прошло с момента кончины Герцена. Срок и с исторической точки зрения значительный, значительный во всякой эпохе, а тем более в эпоху конца девятнадцатого и начала двадцатого столетия.

Последнее пятидесятилетие необычайно богато событиями. За этот период мы видим огромный рост производительных сил, великие завоевания на пути технического прогресса, плодотворные результаты в области точного научного исследования и великие успехи мирового социалистического движения.

Много воды утекло и очень много изменилось с тех пор. Истребляющее пламя времени уничтожило многое и многих. И, кажется, мысль эфесского философа, что «все *течет*», никогда в истории не нашла себе такого убедительного подтверждения, как в последние полвека. Теории, *целые* мировоззрения, творчества крупных людей прошлого представляются нам устарелыми, подчас даже очень скучными, не отвечающими больше ни нашему жизнепониманию, ни нашему настроению.

Многое, что в свое время будило мысль, зажигало сердце, тревожило воображение и что звало на бой, потеряло свое животворящее значение.

Но Герцен... Герцен молод и Герцен жив. Каждое произведение замечательного автора «Былое и думы» волнует и заражает нас даже там, где идеи сами по себе устарели. Гёте сказал как то, что бог дал ему способность выразить свои страдания. Этим великим даром природа наградила Герцена в самой высокой степени.

Как великий человек и как сын закрепощенного народа, Герцен всю жизнь страдал, несмотря на свою языческую жизнерадостную натуру, способную к наслаждению, и как классический талант он умел, как редко кто из крупных русских людей, страдать и изображать свои страдания.

Мыслитель и художник, боец на поле сражения общественной жизни, влюбленный в свободу и стоявший на высоте знания и философской мысли Запада, Герцен должен был чувствовать безотрадное одиночество в нашей полуазиатской России. И он его чувствовал действительно, выразив это чувство в следующих печальных строках своего дневника: «Сегодня я читал какую-то статью о «Мертвых душах» в «Отеч. Записк.», там приложены отрывки. Между прочим русский пейзаж (зимняя и летняя дорога); перечитывание строк задушило меня какой-то безвыходной грустью, эта степь — Русь так живо представилась мне, современный вопрос так болезненно повторялся, что я готов был рыдать. Долог сон, тяжело. За что мы проснулись — спать бы себе, спать, как все около». Вылившееся здесь настроение прекрасно рисует трагическое положение великого человека среди спящих степей и также ярко показывает, что именно вызывало рыдание.

Это все тот же неизменный, проклятый «современный вопрос», что означало на обычном эзоповском языке русских свободолюбивых писателей освобождение русского народа и приобщение спящей России к европейскому западу. Бывают, к счастью, такие избранные натуры, для которых судьба человечества становится собственной судьбой, бедствие страны — своим собственным личным бедствием и угнетение народа — своим личным угнетением. К этим великим натурам принадлежал Герцен.

Герцен был революционером до мозга костей, но революционером не бакунистского типа. Разрушение без одновременного созидания, уничтожение без творчества, критика без синтеза и анализ без положительного вывода не есть истинный революционизм. Отрицать и разрушать — дело легкое. Пятилетний ребенок может без труда и напряжения уничтожить все мадонны Рафаэля.

Герцен — революционер типа Маркса. Теоретические знания и бурный, требующий борьбы темперамент дополнялись огромным художественным чутьем к действительности, а широкое мировоззрение избавляло этого замечательного человека от склонности к губительному, мертвящему догматизму. Остроумно и жестоко высмеивал Герцен всякого вида донкихотство, всегда готовое признать «Дульцинею Тобозскую первой красавицей».

Идея революции понята Герценом очень глубоко: «Одни легкие революции, — говорит он, — делаются легко. Ветер свободно двигает во все стороны верхний слой общественной зыби, но глубь тиха до урагана. Зато и следы таких революций не велики; они меняют одежду и название, а дело остается по-старому».

Согласно этому взгляду на революцию, Герцен смотрит на тип революционера не с анархической точки зрения Бакунина: «Быть голодным и пролетарием вовсе не достаточно, чтобы сделаться революционером». Как и в приведенной оценке «легких» революций, так и в только что приведенных словах внятно слышится голос научного социализма. Герцен определил философию Гегеля, как алгебру революции. Изумительно правильное и меткое определение, показывающее, какое глубокое влияние оказала философия великого немецкого идеалиста на автора «С того берега».

Диалектика Гегеля, несмотря на свои идеалистические предпосылки и, если угодно, вопреки этим предпосылкам, учит понимать глубины и корни исторической действительности. Герцен везде искал эти глубины и эти корни, всегда опасаясь оставаться на поверхности. «События, — пишет Герцен, — бывают велики, когда они совпадают с высшей потребностью своего века». И в этой мысли легко узнать основные мотивы философии истории Гегеля.

По Гегелю, истинно историческими событиями являются события, вызванные коренными условиями данной исторической эпохи и отвечающие высшим ее требованиям. А действительно исторической личностью должна быть признана личность, отражающая в своем миросозерцании эти условия и действующая во имя осуществления выдвинутых этими последними передовых задач.

Но бывают, думает справедливо Гегель, события и личности, которые кажутся историческими, но с которых беспощадное время срывает впоследствии маски, обнаруживая, что события были, как эту же мысль художественно выражает Герцен, легким движением общественной зыби; а личности, как говорит Гегель, были жалкими клоунами на мировой сцене, безобразные гримасы которых принимались, благодаря особому стечению обстоятельств, за историческое творчество.

Вслед за Гегелем Маркс и Энгельс держались того же взгляда на исторический характер событий и историческую роль личности. Того же убеждения был и Герцен, черпая его из того же общего источника, из философии истории гениального немецкого мыслителя. Отчетливо сказывается влияние Гегеля и на общие принципы мировоззрения Герцена. До какой степени Герцен был проникнут гегельянством, явно свидетельствуют следующие строки: «История человечества — продолжение природы, — читаем мы в статье «Буддизм в науке», — многообразие, разнородность, встречаемые в истории, поразительны; область стала шире, вопрос выше, средства богаче, задняя мысль яснее. — Как же не усложниться путям? Где начинается сознание, там начи-

нается нравственная свобода; каждая личность олицетворяет *по-своему* (подчеркнуто Герценом) призвание, оставляя печать своей индивидуальности на событиях. Народы — эти колоссальные действующие лица всемирной драмы — исполняют дело всего человечества как *свое дело* (подчеркнуто Герценом), придавая тем художническую оконченность и жизненную полноту деяниям. Народы представляли бы нечто жалкое, если бы они свою жизнь считали только одной ступенью к неизвестному будущему; они были бы похожи на носильщиков, которым одна тяжесть ноши и труд пути, а руно носимое другим. Природа не поступает так со своими бессознательными детьми; тем более в мире сознания не может быть ступени, которая не имела бы собственного удовлетворения. Но дух человечества, нося в глубине своей непреложную цель, вечное домогательство полного развития, не мог успокоиться ни в одной из былых форм; в этом тайна его трансцендентации, его перехватывающей личности (übergreifende Subjectivität).

Не забудем, однако, что каждая из былых форм имела содержанием его, и не было духу иной формы, как той, за грани которой он перешел, только потому, что он дорос до нее, был ею и перерос ее. История деяния духа, так сказать, личность его, ибо «он есть то, что делает» — заканчивает Герцен цитатой из «Философии права» Гегеля.

Философия Гегеля, весь ее дух выступает здесь с поразительной очевидностью. Герцен принимает здесь Гегеля со всеми метафизическими предпосылками.

Природа и история, представляя собою единое целое, является обнаружением деятельности и развития абсолютного духа, совершающего свое триумфальное шествие. Тем не менее совершенно ясно также и то, что не метафизическая сторона Гегелевой системы составляет главный привлекательный пункт для нашего мыслителя-публициста.

Увлекает революционера-Герцена в этой системе больше всего учение о непрерывном вечном движении, о беспрестанной и неутомимой смене форм, другими словами, главную роль для Герцена, как и для Маркса и Энгельса, играет диалектика.

«Живое движение, — пишет в первой статье «Дилетантизм в науке» Герцен, — это всемирное диалектическое биение пульса находит чрезвычайное сопротивление со стороны дилетантов. Они не могут допустить, чтобы *порядочная* (курсив Герцена) истина, не сделавшись нелепостью, могла перейти в противоположное. «Причина, почему именно такие (диалектические. *Ор.*) выводы философии возмущают, — очевидна. Рассудочные теории приучили людей до такой степени к анатомическому способу, что только неподвижное, мертвое, т.-е. не истинное, они

считают за истину, заставляют мысль оледениться, застыть в каком-нибудь одностороннем определении, полагая, что в этом омертвелом состоянии легче разобраться». Диалектический метод мышления почти точь-в-точь так, как он выражен в «Антидюринге» Энгельса, здесь налицо.

Определяя сущность диалектического метода мышления и становясь на точку зрения этого метода, Энгельс пишет: «Для метафизика вещи и их отражения в уме — понятие, представляющее собой отдельные, прочные, неподвижные, раз навсегда данные объекты исследования. Его мышление вращается исключительно в непосредственных противоположениях: да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого. Для него данная вещь точно так же не может быть сама собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие находятся в столь же постоянном противоречии друг к другу. Этот метод мышления кажется нам на первый взгляд весьма подходящим, потому что он практикуется так называемым здравым человеческим рассудком. Но здравый человеческий рассудок — вполне почтенная особа в интимной области своих четырех стен — переживает самые чудесные приключения, когда отважится пуститься в далекий мир исследования, а метафизический образ мышления, как бы ни был уместен и необходим в сферах более или менее широких, смотря по природе объекта исследования, каждый раз рано или поздно наталкивается на границу, за которой он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, ибо за отдельными вещами он забывает их связь, за их бытием — их возникновение и уничтожение, за их покоем — их движение, за деревьями не видит леса».

Сравните, читатель, это классическое место из «Антидюринга» Энгельса с только что цитированными строками Герцена, и вы увидите, что по существу и там и тут высказывается одна и та же философская мысль.

Конкретная сторона диалектики, — ее требование проникновения в реальную действительность, поставила Герцена на путь, который впоследствии приводит его к преодолению метафизических и идеалистических начал системы Гегеля и обращает его мышление к философии Фейербаха.

Что Герцен впоследствии стоял в философском смысле на точке зрения Фейербаха, блестяще и удивительно доказано Г. В. Плехановым в его замечательных статьях о Герцене.

Итак, вполне очевидно, что Герцен в деле выработки своего общего миросозерцания совершает тот же путь философского

развития, по которому шли Маркс и Энгельс, совершенно независимо и без влияния этих последних мыслителей.

II.

Иначе обстоит дело с социально-политическими взглядами Герцена.

Герцен вступает на широкую дорогу общественно-революционной деятельности при условиях крепостного права. О возможности развития капитализма и порождении пролетариата в западнс-европейском значении нет еще и помина. И в западноевропейских передовых странах пролетарское движение еще в зародыше. И там главную идеологическую роль играет утопический социализм во всех его разновидных проявлениях.

Совершенно понятно, что Герцен в своем горячем стремлении быть выразителем «высших потребностей эпохи» примыкает к западно-европейскому утопическому социализму, став в частности на точку зрения Сен-Симона.

Но с другой стороны прошедший через школу Гегеля, Герцен—объективист. Строго научное,объективное мышление должно лежать в основе и общественных идеалов. «Я избираю, пишет Герцен, знание, и пусть оно лишит меня последних утешений, я пойду нравственным нищим по белому свету, но с корнем вырву вон детские надежды, отроческие упования. Всех их под суд неподкупного разума».

Естественно, что «неподкупный разум» ищет *объективной почвы* для развития и осуществления социализма. Эта почва была найдена в русской поземельной общине. Россия сильна своей поземельной общинной собственностью и своим своеобразным экономическим положением, отличным от капиталистических отношений Западной Европы: «Россия,—говорит Герцен,—государство совершенно новое, неоконченное здание, где все пахнет свежею известью, где все работает и вырабатывается, где ничто еще не достигло цели, где все изменяется часто к худшему, но все-таки изменяется. Одним словом, это народ, по нашему мнению, имеющий основным началом коммунизм».

Этим основным началом коммунизма является, как уже сказано, русская община, которая имеет огромные заслуги в прошлом и которая несет в себе залог социалистического будущего: «Община, рассуждает наш автор, спасла русский народ от монгольского варварства, от выкрашенных помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти, она благополучно дожила *до развития социализма в Европе* (курсив Герцена)».

Это обстоятельство бесконечно важно для России. Община должна и может, следовательно, послужить объективной экономической основой для социализма, а отсюда уже естественно логически вытекали все остальные выводы революционного народничества, основоположником которого является Герцен.

Россия оказалась, согласно этому учению, счастливой своей экономической отсталостью. Она может перескочить, благодаря сохранившейся общине, через капиталистический фазис развития и стать социалистической.

Увлекательная, заманчивая утопия подкупила вообще *«неподкупный разум»* основоположника русского революционного народничества. Критика капиталистического порядка, составляющая исходную точку социалистического учения, становится абсолютным отрицанием. Творческие силы, созданные капитализмом и соответственными государственными учреждениями, ускользают от духовного взора проницательного автора «С того берега»; он, сам того не замечая, становится в деле критики капитализма и западно-европейских демократических учреждений на высмеянную им же метафизическую, абстрактную, одностороннюю точку зрения.

Причина ясна. — Мыслить путь к социализму в крепостной России через капитализм значило уж чересчур далеко стоять от своего заветного идеала. К тому же, так как действительным идеалом для России были капиталистические отношения со всеми вытекающими из этих отношений государственными формами, то социалисту научного направления той эпохи ничего не оставалось делать в смысле конкретного, действенного проявления своих социалистических идей. А тут на выручку пришла поземельная община, которая как известно, была открыта немецким ученым Гакстгаузеном. Эта община и была провозглашена объективным социально-экономическим базисом для будущего социалистического порядка.

Вполне естественно, что страстный приверженец социализма Герцен ухватился за этот базис, что называется, обеими руками. Экономическая отсталость России, все недочеты и пробелы русской действительности часто рассматриваются нашим замечательным автором, как достоинство и как своеобразные силы, способные к движению по пути истинного прогресса.

Далее, это направление мысли находит себе солидное подкрепление в печальном исходе революции 1848 г. и в наступившей реакции.

Несмотря, однако, на положительное отношение к проявлениям отсталости в русской действительности, диалектик Герцен не может не видеть и отрицательных ее последствий. «Одно из существеннейших достоинств, говорит наш автор, русского

характера—чрезвычайная легкость принимать и усваивать себе плод чужого труда. И не только легко, но и ловко, в этом состоит одна из гуманнейших сторон нашего характера. Но это достоинство вместе с тем и значительный недостаток; мы редко имеем способность выдержанного, глубокого труда, нам понравилось загребать жар чужими руками, нам показалось, что это в порядке вещей, чтобы Европа кровью и потом вырабатывала каждую истину и открытие; ей все мучения тяжелой беременности, трудных родов, презрительного кормления грудью, — а дитя нам. Мы проглядели, что ребенок будет у нас приемыш, что органической связи между нами и им нет».

Нам думается, что отрицательные черты отсталости русской действительности выражены здесь и сильнее, и ярче, и с бóльшим ударением и с несравненно бóльшим проникновением в истинно-реальное бытие. Иначе и быть не могло. Герцен—русская натура, но он в то же время с головы до ног европеец. И как европеец, и к тому же прекрасный психолог, он хорошо знал, что значит «способность выдержанного, глубокого труда». Он понимал также, что эта великая способность, без которой немыслимо истинное творчество, есть плод огромного культурного процесса, обусловленного определенными общественными отношениями. В другом месте Герцен с глубокой горечью говорит о бедности нашей исторической жизни, об отсутствии в русской истории истинного драматизма, борьбы сословий, глубоких религиозных движений, как, например, реформация, и т. д.

Певец русского крестьянина, этого «прирожденного коммуниста», Герцен знает в то же время отупляющую обстановку деревни, вырабатывающую косность мысли, неподвижность психики и вообще все элементы застоя. Его проницательный ум отчетливо видит преимущества городского пролетария. «Вообще, пролетарий полей, — рассуждает Герцен, — очень мирен, круг его понятий тесен, он слишком подавлен и сгнетен к земле, чтобы быть более нежели недовольным. Его не надобно смешивать с работником больших торговых и политических центров. В этих колоссальных ульях, где миллионы людей трутся ежедневно друг о друга, где на всяком шагу попадаются макабрские встречи пляшущих с умирающими, пресыщенных с голодными, Ротшильда с ирландцами, откупщика с поденщиком, — там, разумеется, в душе работника бродят мысли о ниспровержении этого мира монополий, цеха, капитала, дохода, но в маленьких городах и еще более в полях пролетарий не таков. Он принимает свое положение за судьбу, он страдает, не знает выхода, покоряется». И тут отчетливо звучат ноты научного социализма, ибо в противоположность утопическим учениям выдвигается в качестве истинного революционера городской пролетарий.

Однако, эти проблески, составляя без сомнения необходимый этап в развитии научного социализма в России, не производят в общем миросозерцании Герцена коренного изменения. Лишнее доказательство того, как сильна власть условий эпохи и над крупными, независимыми умами.

И хорошо, что эта власть так сильна.

Утопический социализм был совершенно естественным и неизбежным следствием условий России сороковых годов прошлого столетия. И тем, что Герцен был самым ярким его провозглашателем, он является, без всякого сомнения, родоначальником русского социализма, как такового.

Гегель говорит, что всякое философское учение, представляя собою отражение определенных условий эпохи, не исчезает вместе с исчезновением породивших его условий, а становится естественно необходимым звеном в великом и связном процессе общего философского мышления.

То же самое относится к истории развития социалистической мысли.

Бурная революционно- социалистическая деятельность Герцена, его пламенная, полная страсти, высокоталантливая защита угнетенных, его смелая и глубоко художественная критика и обличение угнетателей останутся вечно живыми духовными силами и его бессмертной заслугой.

1919 г.

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА.

(К 350-летнему юбилею.)

Социализм, как идея, как стремление лучших людей к общественному равенству, так же стар, как общество, основанное на классовых экономических противоречиях. С тех пор как общественная организация стала выявлять резко и отчетливо на одной стороне богатство, власть и роскошь, а на другой бедность, рабство и нищету, не переставали рождаться великие люди, благородные мечтатели, сделавшие проповедь общественного равенства и борьбу за его осуществление целью своей жизни.

Уже в IV столетии до нашей эры возникает в голове гениального мыслителя древности, идеалиста Платона, план государственного коммунизма. За столетие до начала нашего летоисчисления мы встречаем в истории евреев коммунистический союз есеев, в котором, по свидетельству историков, «не было ни одного более богатого, чем прочие». Древне-христианский коммунизм принимает такие значительные размеры, что становится крупной, выдающейся силой, оказавшей огромное влияние на ход культурного развития человечества. Но все коммунистические течения от Платона до Томаса Мора и Кампанеллы носят ярко выраженный аскетический характер.

Если классовые и групповые противоречия порождали стремления к общественному равенству, то с другой стороны низкая степень развития производительных сил диктовала аскетическую форму социализма. Сокращение потребностей, отказ от наслаждения материальными благами и общность потребления является главной основой всех почти коммунистических течений до конца XV века.

Новая форма социализма, построенная на признании ценности материальных благ, возникает в эпоху Возрождения.

Эта новая форма жизнерадостного социализма вызвана на историческую арену теми же условиями, которые породили весь могучий творческий дух этой великой эпохи.

Судьбы внешнего мира шумно текут в этой богатой полосе исторической действительности, разрушая в своем стремительном течении оковы, наложенные католической церковью на тело и сознание человека; это бурное брожение времени XV и XVI столетий вызвано, как всегда и везде, экономическими условиями.

Подъем производительных сил, рост и развитие городов, возникновение мировой торговли, открытие новых путей, знакомство с новыми странами, зачатки всемирного рынка наносят смертельный удар старому мрачному миросозерцанию средневековья.

Новые условия жизни, вызванные ростом производительных сил, настойчиво требуют признания реальности и ценности природы, внимательного отношения к ее законам и положительной оценки материальных земных благ.

Новое учение о социализме идет рядом и в тесной связи с развитием естествознания и главным образом в зависимости от технического прогресса.

Социалистический идеал начинает строиться не исключительно на общности потребления и сокращении потребностей; наоборот, благодаря росту производства возникает высокая оценка земных наслаждений.

Основоположниками нового социалистического течения являются Томас Мор и Томмазо Кампанелла.

Томмазо Кампанелла стоит в первом ряду счастливых избранников, которыми природа не часто балует историю. Обладая гениальным умом, стоической, непреклонной волей, он горит революционной страстью. Он философ и ученый, пламенный оратор и герой мученик.

Такие личности, как Кампанелла, являются сами по себе великой ценностью; они служат образцами на пути к совершенствованию человеческой природы. Культурный прогресс оплодотворяется не только великими мыслителями, но и прекрасными образами, представляющими могучее воспитательное средство воздействия на нравственную психику человека.

Кампанелла ведет борьбу в двух направлениях. Как философ с сильным реформаторским и просветительным стремлением он страстно агитирует против иезуитов, навлекая на себя их грозную ненависть со всеми ужасными последствиями средневековья.

С другой стороны, он выступает на политическое поприще, участвуя в заговоре с целью освобождения Калабриа от испан-

ского ига. Он мечтает о республиканской свободе на своей родине и, повидимому, также об осуществлении своей социальной утопии, развитой в знаменитом «Граде Солнца». Непосредственным результатом его деятельности был мученический крест. Кампанелла провел 27 лет в тюремном одиночном заключении и 7 раз был подвергнут пытке. Но могучий бунтующий дух его не был сломлен. «Закованный в цепях, писал он в одном своем сонете, я все-таки свободный, предоставленный одиночеству, но не одинокий; покорный, вздыхающий, я посрамлю своих врагов. Угнетенный на земле, я поднимаюсь в небеса с истерзанным телом и веселой душой, и, когда тяжесть бедствия повергнет меня в бездну, крылья моего духа поднимают меня высоко над миром».

Как философ Кампанелла был типичным представителем своей эпохи. Он, как и большинство мыслителей его времени, стоит на точке зрения так называемой двойственной истины.

Двойственная истина состоит в признании правомочности и самостоятельности как науки, так и религиозной веры.

Горячий поборник научного исследования, певец природы и защитник ее неумолимых законов, Кампанелла оставляет религиозную веру без всякой критики. Более того, он мистик, доходящий до экстаза и глубочайшим образом убежден в своей сокровенной интимной связи с богом. «Мое тело,—горько жалуется мученик Кампанелла богу,—пытали семь раз, невежды проклинали меня и издевались надо мной. Меня лишили солнечного света, мускулы мои разорваны, кости разбиты, тело мое истерзано, я сидел на твердой земле, прикованный к одному месту. Кровь мою проливали, меня подвергали самым ужасным мучениям. Пища моя испорчена, и мне дают ее мало. Неужели этого недостаточно, о господи, неужели я не могу еще надеяться, что заступишься за меня». Заступничества, конечно, не последовало. Муки, которыми вымощен ад, были и в дальнейшем уделом великого человека и убежденного социалиста.

Но религиозная вера, внушенная средневековым фанатизмом, не пошатнулась. Так сильна власть эпохи даже над избранными критическими умами.

Самым замечательным, бессмертным делом Кампанеллы является его утопия, носящая название «Град Солнца».

Подобно Томасу Мору, Кампанелла берет за исходную точку своих социалистических мечтаний критику общественных отношений его времени. Его критический, проницательный ум ясно видит, что общественное неравенство не установлено волей

божьей, как тому учили отцы церкви, и что оно не есть также продукт неизменных законов природы, как это утверждали Аристотель и его последователи. Общественное неравенство со всеми его жестокими последствиями вызывается, с точки зрения Кампанеллы, как и по мнению всех представителей утопического социализма, человеческими заблуждениями. Отсюда логически следовало, что самым верным и единственным средством для достижения идеального, социалистического общества может служить ихорошо разработанный план нового государственного порядка и энергичная проповедь его.

Воплотить этот план в жизнь могут скорее культурные, господствующие классы, их образованные идеологи и законодатели, нежели невежественная, темная народная масса. «Народ, говорит Кампанелла, это изменчивый, неразумный зверь, который сам не знает своих сил и терпеливо переносит самые тяжелые удары и тягости; он позволяет управлять собой слабому дитяти, которое мог бы одним толчком сбросить на землю», и т. д.

Народ на том уровне развития, на котором стоял в эпоху Кампанеллы, не был в состоянии строить социалистическое общество. И в этой оценке великий утопист был совершенно прав. То-есть правильной была и остается до сих пор та бесспорная истина, что строители социалистического государства должны стоять на высокой ступени культурного исторического развития.

Блестяще написанная утопия, в которой бессмертный автор изображает привлекательными, чарующими красками будущую жизнь в социалистическом обществе, имеет своей главной целью склонить на свою сторону лучших и образованных представителей высших классов.

Наиболее замечательными положениями в «Граде Солнца» должны быть признаны высокая оценка труда и безусловное требование полного общественного и культурного равенства полов.

Автор «Града Солнца» понимает очень хорошо, что социалистическая организация требует прежде всего серьезного отношения к труду и взгляда на труд, как на наслаждение.

«Граждане «Града Солнца», говорит Кампанелла, называют каждую работу упражнением и утверждают, что сделать полезную работу так же почетно, как ходить своими ногами, смотреть своими глазами, говорить своим собственным голосом, —словом, выполнять какую бы то ни было естественную функцию. Они усердно стараются выполнить указанную им работу, и для них

является делом чести выполнить ее хорошо. Самые трудные и опасные работы считаются самыми почетными». Подобное отношение к труду есть необходимое условие социалистического строя и с точки зрения современных учителей научного социализма. Недочет в учении Кампанеллы, как и в теориях других утопистов, состоит в том, что они благодаря условиям своей эпохи не знали, какими историческими путями народные массы могут достигнуть такого культурного психологического состояния.

Утопический социализм подвергнут обстоятельной и, как мне кажется, исчерпывающей критике гениальными основателями научного социализма Марксом и Энгельсом и их лучшими учениками Г. В. Плехановым и К. Каутским и т. д. Этими мыслителями было указано на то, что главная слабая сторона утопистов заключалась в их идеалистическом взгляде на историю. Утопический социализм обращался со своей проповедью к человеческому сознанию, как таковому, независимо от классовых и групповых материальных интересов, считая возможным осуществить социалистическое общество при всех исторических условиях и на какой угодно стадии экономического и социального развития.

Современный научный социализм построил свое здание на материалистическом объяснении истории. Технический прогресс и сильная степень развития капитализма, долженствующего, по выражению Маркса, преобразить все формы производства, с одной стороны, и обусловленные техническим прогрессом и развитием промышленной буржуазии, количественный и качественный рост пролетариата, с другой, составляет главные и неизбежные исторические предпосылки наступления социализма.

Научный социализм в лице его лучших представителей покончил с утопическими формами социально-политического мышления.

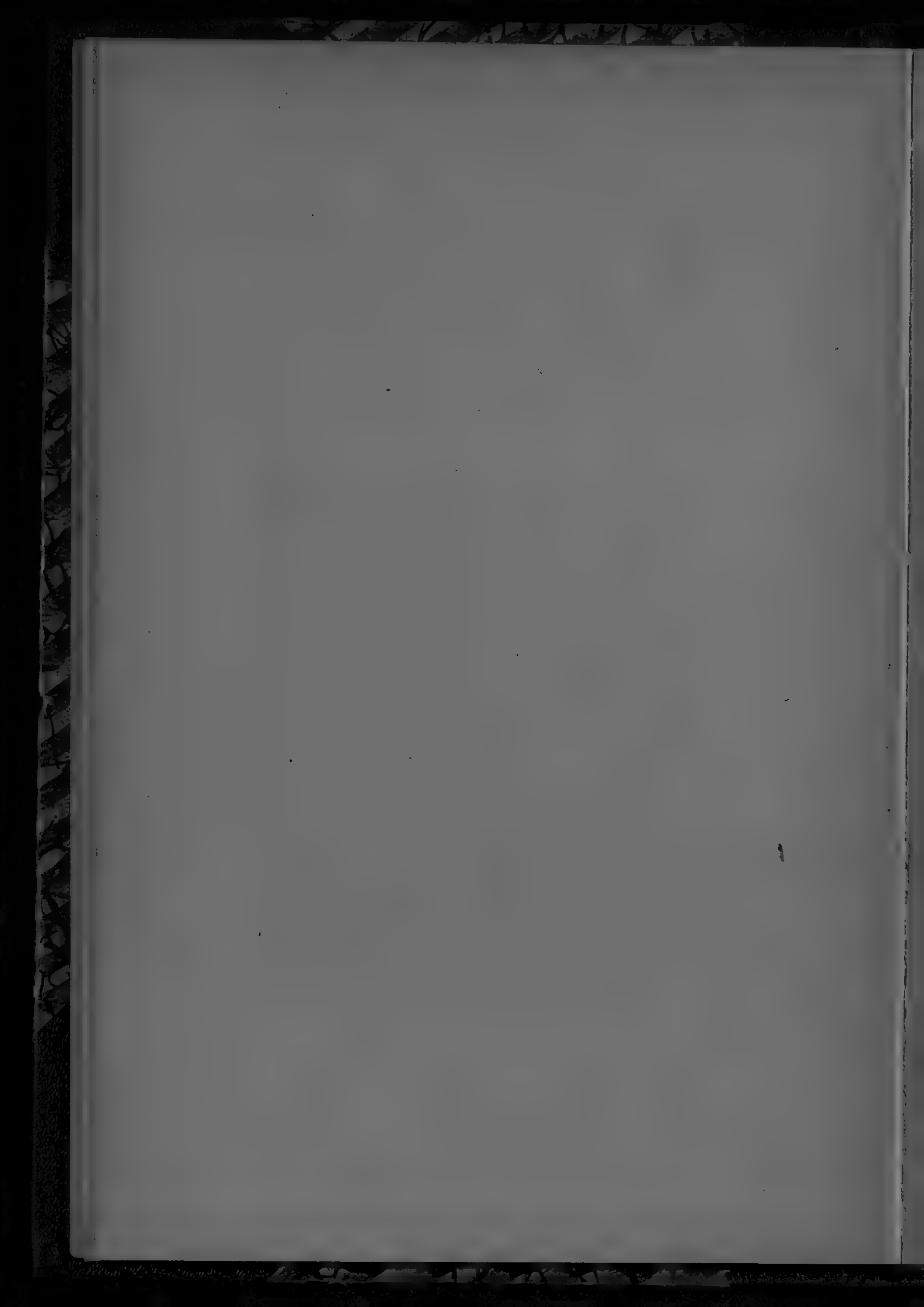
Тем не менее учение утопистов является необходимым и почетным звеном в общем ходе развития современного социализма.

Этот юбилей Кампанеллы выпал в эпоху, полную тревог и шумного, головокружительного потока исторических событий. Наше бурное время, приближая нас, с одной стороны, к торжеству идеалов великого мученика, выявило, с другой стороны, варварство, грубость нравов, жестокость, не уступающие в некоторых отношениях средневековью. Пусть же путь к социализму освещают нам великие и светлые образы, в числе которых одно из первых мест принадлежит автору «Града Солнца». Пусть всякий истинный социалист, то-есть социалист, стоящий на высоте

культуры и одушевленный гуманизмом, вспомнит клятву Кампанеллы — вести борьбу с тиранией, софистикой и лицемерием.

Эта троица живет еще и теперь полной и преступной жизнью в современном капиталистическом обществе.

1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

